

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ИСТОРИИ И ПРАВА

**Английское пиратство и его влияние на процесс модернизации в раннее
Новое время и возможности применения темы на школьных уроках
истории**

**Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)**

Направленность программы бакалавриата

«История. Английский язык»

Форма обучения очная

Проверка на объем заимствований:

97,6 % авторского текста
Работа рекомендована к защите
рекомендована/не рекомендована
« 27 » мар 2025 г.

и.о. зав. кафедрой истории и права
Коршунова Н.В.

Выполнил:

Студент группы ОФ-524/078-5-1
Антипов Богдан Александрович

Научный руководитель:

кандидат ист. наук, доцент
Дорожко Ирина Николаевна

Челябинск
2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Английское пиратство и его влияние на модернизационные процессы в раннее Новое время.....	11
1.1 Правовые формы и социальная структура английского пиратства в раннее Новое время	11
1.2 Пиратство как инструмент модернизации Англии в раннее Новое время: политика и экономика	26
Глава 2. Английское пиратство в художественной литературе: между романтикой и исторической правдой.....	41
2.1 Формирование пиратского мифа в XVII-XVIII вв.: от хроники к легенде.	41
2.2 Романтический пират как герой эпохи: образ в литературе XIX века.....	53
2.3 Деконструкция мифа: пиратство в современной исторической прозе	63
Глава 3. Методологический аспект изучения темы квалификационной работы в общеобразовательной школе	69
3.1 Отражение темы в школьной программе.....	69
3.2 Методические приемы и способы реализации темы.....	74
Заключение.....	79
Список использованных источников и литературы	83
Приложение №1.....	93
Приложение №2.....	103

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмыслить роль пиратства в контексте политической, экономической и социальной модернизации Англии в раннее Новое время. Традиционная историография рассматривала его как неорганизованное и хаотичное военно-экономическое или криминальное явление. Однако в последние десятилетия все чаще поднимается вопрос о более значимой роли морского разбоя в процессе политических, экономических, социальных и культурных преобразований в раннее Новое время. А современная наука требует определение места Английского пиратства в концепции системного подхода к вопросу модернизации в Европе в XVI-XVIII вв., включая анализ культурного влияния. В массовом сознании пираты представлялись либо как романтизированные авантюристы из книг, либо как маргиналы, выпавшие за пределы цивилизованного общества. Именно художественная литература - от мемуаров Эксквемелина до романов Сабатини - сформировала образ пирата как «романтического бунтаря», что до сих пор искажает историческое восприятие. С целью восполнения этого пробела в данной работе предпринята попытка подойти к рассмотрению пиратства с точки зрения системного подхода, связывая реальные практики морского разбоя и их влияние на жизнь английского общества раннего Нового времени с их литературной репрезентацией.

Попытки определить место пиратства в жизни общества раннего Нового времени предпринимались ещё с начала XIX века. Так существенный вклад в формирование научного интереса к пиратству внес немецкий историк и публицист И. В. Архенгольц, чья работа «История морских разбойников Средиземного моря и Океана» [63] стала одной из первых попыток рассмотреть пиратство как сложное политико-экономическое явление. В контексте ранней научной рефлексии над пиратством в европейской исторической мысли конца XVIII - начала XIX вв. он стремился проследить

зависимость между морским разбоем, колониальной политикой европейских держав и эволюцией морского права.

В дальнейшем данная тема активно исследовалась в западной историографии XX-XXI вв. В. Барбур уже в 1911 году в статье *Privateers and Pirates of the West Indies* [94] связал деятельность пиратов с логикой раннего колониального империализма.

К. Эндрюс в ряде трудов представил каперскую активность XVI-XVII вв. как важный элемент государственной политики Англии в эпоху колониальной экспансии. В работах Д. Армитиджа [62] и И. Валлерстайна [64] пиратство рассматривается в контексте первичного накопления капитала и экономической модернизации раннего Нового времени. Основной акцент в их работах ставится на взаимосвязь морского разбоя и развития международной торговли.

В свою очередь, П. Лер [79], А. Констам [73] и М. Редикер [110] уделяют больше внимания социальной структуре пиратских сообществ и их правовому статусу. Они рассматривают социальный состав пиратских команд, мотивы присоединения к пиратскому промыслу, систему корабельного самоуправления и процесс институализации морского права.

В исследованиях Д. Кордингли [99] пиратство предстает как часть глобального процесса, затрагивающего торговлю, политику и культуру в Атлантическом регионе. Благодаря усилиям этих и других авторов пиратство стало восприниматься как значимый историко-экономический феномен.

В рамках отечественной историографии внимание исследователей долгое время концентрировалось на истории знаменитых морских экспедиций, колониальной политике европейских держав и борьбе за геополитический раздел мира. В этом контексте выделяются труды Е. В. Тарле [88], посвятившего ряд работ исследованию морского соперничества Англии и Испании в XVI-XVII вв., в частности фигурам Фрэнсиса Дрейка и Генри Моргана. В. В. Штокмар [90], Н. И. Кареев [71] и И. Н. Смирнов [86] рассматривали морскую экспансию, как часть общеевропейского процесса

формирования капиталистических отношений и изменения политической карты мира. М. М. Яброва [91] внесла значительный вклад в изучение политики Англии в эпоху Тюдоров, акцентируя внимание на роли моря в государственной политике Королевства. Использование этих историко-аналитических трудов позволяет рассматривать пиратство не изолировано, а как часть широкого исторического процесса: становления колониальных империй и перехода от феодальных отношений к капиталистическим.

Отдельного внимания заслуживают попытки культурологического осмысления пиратства. Так И. В. Можейко [81] рассматривает амбивалентный образ пирата, в своей историко-публицистической работе он отмечает, наиболее свойственные морским разбойникам черты как преступника, так и народного героя. В свою очередь А. А. Пастушенко [82] рассматривает феномен пиратства сквозь призму религиозных и экономических мотивов их деятельности.

Особое место в отечественной науке занимает цикл работ Д. Н. Копелева [75; 76]. В рамках системного подхода к исследованию феномена морского разбоя он не только рассматривает пиратство и каперство как инструмент внешнеполитической стратегии Англии, но и уделяет значительно внимание внутренней структуре пиратского сообщества и его правовым формам.

Значительное место в изучении феномена пиратства занимает энциклопедическая литература. Одним из наиболее обширных трудов подобного рода является «Энциклопедия пиратства» Ж. Рогожинского [83]. Это справочное пособие охватывает широкий круг вопросов: от необходимой морской терминологии и биографий известных пиратов до влияния пиратства на литературу и искусство. Подобная литература необходима для комплексного изучения темы пиратства и каперства в раннее Новое время.

Существенную часть библиографии составляют труды, не имеющие перевода на русский язык. Это обусловлено несколькими факторами: во-первых, большим научным интересом к проблеме пиратства в рамках западной историографии, во-вторых, приоритетным доступом британских

исследователей к ключевым архивным коллекциям, что позволяет использовать в работе ранее неизученные документы, а в-третьих, связью традиции морского разбоя с национально-историческим нарративом в английской академической традиции. Таким образом, использование в работе трудов Дж. Баера [93], С. Константина [98], Г. Ф. Мартенса [100], К. Хилла [101], Ф. Эдвардса [105] и других способствуют всестороннему и критическому анализу морского разбоя раннего Нового времени.

В процессе исследования, также, использовались труды западных филологов – англистов. Так Дж. Кестнер [103] и Р. Лангбаум рассматривают особенности, проблематику и характерные черты героев английской литературы эпохи романтизма. Тогда как статьи американского писателя и литературного критика А. Кодреску [96] способствуют пониманию специфики современной литературы постмодерна: её основные тенденции и противоречия.

Цель: исследовать природу Английского пиратства и его влияние на модернизацию политических, социально-экономических и культурных отношений в раннее Новое время, а также рассмотреть отражение морского разбоя в художественной литературе XVII-XXI вв.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие **задачи исследования:**

- 1) Определить терминологические границы понятия «пиратство»;
- 2) Определить социальную базу английского пиратства в раннее Новое время;
- 3) Изучить влияние пиратства на изменение характера международных отношений европейских государств в раннее Новое время
- 3) Выяснить, какое место занимает пиратство в процессе модернизации социально-экономических отношений Англии;
- 4) Сравнить образ пирата, сформировавшийся в литературе периода романтизма и в современной исторической прозе.

5) С опорой на ФГОС И ФРП, определить возможности использования темы исследования на уроках истории в школе

Источниковедческая база данного исследования охватывает широкий спектр документов, отражающих различные аспекты функционирования морского разбоя в раннее Новое время. Работа опирается преимущественно на источники на английском языке, так как ключевые документальные свидетельства эпохи хранятся в британских архивах и опубликованы только на языке оригинала.

В рамках исследования использовались законодательные акты, включая прокламации и статуты английских монархов, например статут Елизаветы I о пиратстве, также известный как «Закон моря» [46], устанавливавший строгие наказания для тех, кто занимался пиратством или другим видом нелегальной морской деятельности и прокламация короля Георга I «Об амнистии пиратам» 1717 года [14], что позволило проследить официальное отношение государства к пиратству и каперской деятельности. Делопроизводственная документация представлена протоколами судебных разбирательств над пиратскими командами в Англии и её колониях, а также записями заседаний Королевского совета [7, 8] и Адмиралтейства [9], в которых отражены механизмы правового регулирования деятельности на море и масштабы проблемы морского разбоя в раннее Новое время.

Значительную ценность представляет периодическая печать XVI-XVII вв., в том числе публикации Лондонской [51] и Бостонской [48] газет о деятельности пиратов и каперов, что позволяет глубже разобраться в общественном восприятии морского разбоя в изучаемый период.

Особое внимание уделяется документам личного происхождения и беллетристике, среди них особое место занимает мемуаристика Уильяма Дампира [27] и Уолтера Рэли [39], полудокументальные работы Чарльза Джонсона [23] и Александра Оливье Эксквемелина [31]. Дампир, сам будучи капером, в своих путевых заметках уделял внимание как описанию географических открытий, так и быту пиратов, представляя их неотъемлемой

частью морского сообщества. Рэли, в свою очередь, подчеркивал необходимость морской экспансии Англии и видел в каперстве важный инструмент внешнеполитической борьбы.

Эксquemелин в «Пиратах Америки» совмещает документальную основу с яркими образами, акцентируя особое внимание на жадности и жестокости пиратов, что делает его книгу важной для изучения общественного восприятия пиратства. А Чарльз Джонсон во «Всеобщей истории грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами» заложил основы мифологизированного образа пирата, как харизматичного и независимого героя.

Также стоит отметить дневники и переписку Вудса Роджерса [40, 41], сочетающие в себе как личные свидетельства о пиратстве «золотого века», так и официальные отчеты о борьбе с морским разбоем у берегов Нового света.

Не менее важны и нарративные источники, включая «Англо-Саксонскую хронику» [47] и «Хронику Англии от 1328 до 1388 года» [24], способствующие изучению истоков и этимологии английского морского разбоя.

В качестве **объекта исследования** выступают процессы социальной, экономической и политической модернизации Англии XVI-XVIII вв.

Предметом исследования является феномен морского разбоя, в его взаимосвязи и логическом единстве с социально-экономическими, политическими и культурными преобразованиями Англии в раннее Новое время.

Гипотеза исследования: Распространение пиратства и каперства в раннее Новое время было не только логичным следствием социально-экономических преобразований в Англии, но и стало важным фактором дальнейших политических, экономических и социальных изменений в обществе.

Хронологические рамки исследования составляет период с начала XVI по середину XVIII вв. Это период раннего Нового времени - эпоха

значительных перемен в экономико-социальной, религиозной, культурной сферах жизни Английского общества. Именно в этот период пиратство и каперство играло наибольшую роль в жизни английского общества, а морская экспансия Англии стала важным элементом в её политики.

Англия в данную эпоху вступила на путь модернизации, и тем самым оказала серьезное влияние на модернизационные процессы по всей Европе. Одним из важнейших факторов развития Англии исторически оставалась морская торговля, развитие которого способствовало трансформации политических, социально-экономических и культурных отношений, становлению колониализма.

Пиратство в это время не только остается одним из неотъемлемых явлений любого торгового маршрута, но и, по своей сути, становится главным инструментом политической и экономической конфронтации между государствами на море.

Вместе с тем, учитывая, что в работе рассматривается не только историческая роль пиратства и каперства, но и их художественная репрезентация, а также формирование культурного мифа, необходимо отметить ещё и следующие хронологические рамки: XVII - XXI вв. Это позволяет проследить эволюцию образа пирата от раннего Нового времени до современной исторической прозы.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Британских островов, откуда происходили основные участники пиратских и каперских экспедиций, акваторию Атлантического океана, включая Карибский бассейн, побережье Центральной и Южной Америки, колониальные владения Испании в Новом свете - регионы наиболее бурной пиратской активности.

Методология исследования включает общенаучный системный подход, сравнительный метод, идеографический метод, историко-типологический метод, историко-генетический метод и антропологический метод исторического исследования.

Научная новизна исследования заключается не только в комплексном использовании классических трудов, посвященных проблеме пиратства и современных исследований, касающихся преобразований в Европе периода раннего Нового времени, но и в привлечении художественной литературы, посвященной проблеме пиратства.

В отличие от большинства исследований, рассматривающих только один аспект морского разбоя, в данной работе пиратство выступает, как системное явление, что позволяет не только проследить его формирование и развитие, но и отметить его глубокую связь с модернизационными процессами, выходящими далеко за пределы Мирового океана.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов данной работы при подготовке школьных уроков и специальных учебных курсов по следующим темам: Великие географические открытия; Изменения в европейском обществе XVI-XVII вв.; Англия в XVI-XVII вв. и Английская революция середины XVII века; Международные отношения в XVI-XVII вв.; Европейская культура в раннее Новое время.

Глава 1. Английское пиратство и его влияние на модернизационные процессы в раннее Новое время

1.1 Правовые формы и социальная структура английского пиратства в раннее Новое время

Английское пиратство раннего Нового времени представляло собой сложное и многогранное явление с очень долгой историей. Оно оказало значительное влияние как на экономическое, так и на социальное развитие страны. Его специфика заключалась не только в особенностях организации морского разбоя, но и в уникальной социальной структуре пиратских сообществ. Для полного понимания места пиратства в жизни английского общества XVI-XVII вв. необходимо рассмотреть основные формы пиратской деятельности, её социальную базу и организационные основы.

Пиратство, как явление охватывает разные эпохи, моря, государства, правовые рамки, те или иные жизненные обстоятельства, в которых действовали разбойники, и поэтому начать рассмотрение феномена английского пиратства следует с характеристики основных терминов, встречающихся в данной работе.

Согласно Оксфордскому словарю английского языка слово «пират» происходит от латинского *pirate*, что означает: морской разбойник [107, с. 1534]. Которое в свою очередь произошло от греческого *peiratēs*, что в буквальном смысле слова означает «любой, кто пытается что-то». Со временем так стали называть всех, кто занимался грабежом или разбоем на суше или на море. Впервые в англоязычных текстах термин встречается в XIV веке. Он использовался применительно к *Vitalienbrüder* - «вительерским братьям» или же «виталийским братьям», действовавшим в Балтийском и Северном морях во время второй Датско-ганзейской войны. Упоминание об одном из их нападений можно найти, например, в *Chronicon Angliae* - Английских хрониках -: «некоторые пираты, которые мешали деятельности торговцев на Северном море» [24, с. 131, перевод]. Это свидетельствует о

раннем вхождении термина в общеупотребительный язык и о восприятии морского разбоя как системного явления уже в позднем Средневековье.

Наименование «пират» со временем претерпевало различные трансформации, вследствие чего возник очень запутанный перечень терминов, и выделить какой-то один, наиболее подходящий вариант оказалось затруднительно.

В эпоху раннего Нового времени представители различных народов именовали морских разбойников совершенно по-разному, что отражало как их юридические, так и региональные особенности морской культуры. Так, в испаноязычной традиции широко использовался термин «ladrones» - разбойники, во франкоязычных источниках - «forbans» и «corsairs», в англоязычных - «privateers», «rovers», «pirates», а в карибском регионе возникли такие термины, как: «buccaneers» и «filibusters». Однако столь разнообразная терминология зачастую приводит к путанице, особенно в трактовке правового статуса отдельных мореплавателей.

Поэтому данная работа будет придерживаться наиболее удобного критерия разграничения различных форм морского разбоя. А именно наличия или отсутствия у моряков государственной санкции на агрессию в отношении судов враждебных держав. Так современная историография выделяет каперов, действовавших на основании каперских патентов, выданных монархом или иным уполномоченным представителем государства. И пиратов, которые осуществляли вооружённый захват судов без каких-либо юридических оснований, тем самым нарушая как национальное, так и международное морское право. Политолог Стивен Краснер довольно емко описывает это разграничение: «Каперство было институционализированной формой насилия, тогда как пиратство - девиантной» [104, с. 55]. Получается, что каперы действовали в рамках права войны и отличались от пиратов, которые действовали на свой страх и риск.

В разные времена известными каперами были Фрэнсис Дрейк, совершивший кругосветное плавание, Мартин Фробишер - участник битвы с

Непобедимой армадой и наконец Генри Морган, активно проводивший английскую колониальную политику на Карибах.

Слово капер изначально заимствовано от немецкого *Kaper*, которое происходит от латинского *capere*, что означает «захватывать» или «грабить». В Европе термин «капер» использовался в странах Балтийского и Северного морей, где он обозначал лёгкое морское судно [75, с. 97].

Согласно юристу XIX века Георгу Фридриху Мартенсу, каперство - это «экспедиции частных лиц во время войны, которые, получив специальное разрешение от одной из воюющих держав, снарядили за свой счет одно или несколько судов с главной целью нападения на неприятеля и предотвращения ведения нейтральными подданными или друзьями с неприятелем торговли, считающейся незаконной» [100, с 53]. Исходя из всего вышесказанного, дадим окончательный вариант определения термину «капер»: это частное лицо, которое с разрешения верховной власти воюющего государства использовало вооружённое судно для захвата торговых кораблей неприятеля или судов нейтральных держав.

Основной отличительный признак каперов - каперское свидетельство, которое позволяло им воевать, но ограничивало их цели только кораблями с вражескими флагами. В Англии это свидетельство было оформлено в виде Письма Марки и Репрессий - «*The Letter of Marque and Reprisal*» [102, с 23]. Возникнув в своей первоначальной форме ещё в XIII веке, этот документ давал получателям право на агрессию и реституцию. Иногда, в основном во время военных конфликтов, правом выдачи каперских патентов обладал не только король, но и портовые чиновники, что в свою очередь значительно увеличивало количество каперских команд на службе Короны [61].

Важнейшим преимуществом каперского свидетельства можно считать то, что в случае захвата в плен капер, благодаря такому документу, мог получить те же гарантии, что и любой другой военнопленный, ввиду чего получал шанс избежать казни за пиратство, в отличие от несанкционированного морского разбойника.

И каперы, и пираты вели схожую деятельность: нападали на торговые суда, захватывали грузы, использовали быстроходные малотоннажные корабли, хорошо знакомые с маршрутом и особенностями побережья. И поэтому именно легитимный статус первых можно считать единственным отличием капера от пирата. Так по словам исследователя А. Вуда, «в юридическом и моральном смысле каперы представляли собой продолжение войны и власти государства на море, хотя граница между ними и пиратами часто была условной» [112, с 396]. Иными словами, главное отличие между различными формами морского разбоя заключалось не в их поведении или тактике, а в том действовали они по собственному усмотрению или представляли некую законную власть и получали от неё определенные полномочия.

Традиция морского грабежа у берегов Британских островов зародилась задолго до нижней границы Раннего Нового времени. Так ещё со времен Римской Британии, I - V вв., пиратство было обычным явлением в оживленном проливе Ла-Манш. Так, например в документах позднеримского времени содержатся сведения о необходимости усиления флота *Classis Britannica* для защиты торговых маршрутов от саксонских пиратов [37, с. 124]. Прибрежные города и поселения в южной части Британии находились в зоне активной торговли с континентом, их омывало море беззакония, где власть Рима ослабевала, а нормы поведения не действовали [59, с. 121]. Эти города, являясь центрами торговли, привлекали многих купцов, а следовательно, и экипажи кораблей, которые стремились завладеть их грузом, если появлялась такая возможность.

После ухода римлян с территории Британии в начале v века, прибрежные регионы столкнулись с частыми нападениями со стороны скандинавских морских разбойников. Эти налеты начались примерно в конце VIII и продолжались вплоть XI века. В *Anglo-Saxon Chronicle* - Англо-Саксонской Хронике - сохранилось упоминание о нападении на монастырь в Линдисфарне в 793 году: «Последовал великий голод, и вскоре после этого, в том же году, 8

июня, язычники разрушили церковь Божию в Линдисфарне» [47, с. 57-59, перевод]. Интересно, что уже в это время пираты не только разграбляли прибрежные территории, но и оседали на ней, создавая собственные политико-экономические структуры, как, например, в Денло [47, с. 57-59].

Сами англосаксы также не гнушались практики морского разбоя. Некоторые местные вожди использовали морские рейды как средство усиления своего влияния в регионе [47, с. 71-83]. Получается, что уже в IX-X вв. морской разбой формируется как часть военно-политической культуры Британии.

Дальнейшее развитие пиратства на Британских островах оказалось непосредственно связано с политикой Английской короны. После начала нормандского вторжения в Англию в 1066 году, возникло объединение пяти портов, известное как Cinque Ports [106, с. 83-87]. В него входили порты в Гастингсе, Сэндвиче, Дувре, Ромни и Хайте. Эти города заключили соглашение с короной, по которому в обмен на обширные торговые и административные привилегии построили и поддерживали коммерческие военно-морские силы, на которые английская корона могла положиться в случае вторжения.

В мирное время эти суда использовались для торговли, однако в случае военной угрозы они получали королевские лицензии на захват вражеских кораблей [12, с. 151-152]. Проблема, правда, заключалась в том, что, во-первых, на практике лицензии часто выдавались уже задним числом, а во-вторых, нередко экипажи таких судов впоследствии переходили к практике открытого грабежа иностранных кораблей, даже после официального завершения военных действий [111, с. 121].

Английское пиратство, как явление, начнет приобретать большие масштабы в XVI веке в связи с рядом событий, как локального, так и мирового значения.

На рубеже XV - XVI вв. в Англии активно развивалось суконное производство, что значительно повышало цены на шерсть и превращало сдачу

лендлордами пастбищ в аренду фермерам более рентабельным предприятием, чем сохранение этой земли за общинами крестьян - копигольдеров. Эта ситуация дала старт политике огораживания, в результате которой тысячи крестьян оказались вынуждены покинуть свои дома и отправиться на поиски работы в города. В докладе «A Discourse of the Common Weal of this Realm of England» - «Рассуждение об общем благе королевства Англия» - прямо говорится о росте социальной напряженности, вызванной изъятием земли у крестьян: «Арендаторы были выселены, общинные земли оцеплены, а бедные вынуждены просить милостыню, или существовать в лени, или воровать и быть повешенными за это» [28, с. 7 перевод]. А о массовости этого явления свидетельствует знаменитая цитата из «Утопии» Томаса Мора: «Ваши овцы. Обычно такие тихие, питающиеся так скудно, ныне, как говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, опустошают и разоряют поля, дома, города» [1, с. 23].

Оставшиеся же крестьяне, при сохранении феодальных порядков, были вынуждены работать на землях дворян, вследствие чего их жизнь полностью зависела от милости господина и его личного толкования справедливой оплаты труда или платы за аренду [79, с. 56].

Конечно, в Англии конца XV - начала XVI вв. существовали и крестьяне, обладающие правом свободного распоряжения землей, так называемые йомены - «вольные держатели». Однако в это время наблюдается стремительное увеличение численности населения с 2.3 миллионов в 1520 до почти 4 миллионов к началу XVII века [90, с 32]. В условиях ограниченных земельных ресурсов это неизбежно приводило к уменьшению крестьянских наделов или вовсе к их полной потере.

Получается, что крестьяне, оставаясь формально свободными, теряли свою экономическую самостоятельность и либо брали землю в аренду у феодалов, либо пополняли ряды городской бедноты и прочих маргинализованных слоев, из которых в последствии происходили будущие моряки, солдаты, а также пираты.

Слабая промышленность, перенаселенность и кризисы в торговле первых лет правления Генриха VII, превращали английские города тех лет в центры нищеты и экономической стагнации. Именно так описывает города Англии на рубеже XV - XVI вв. профессор Кембриджского университета Кристин Карпентер: «Города Англии эпохи Тюдоров были не двигателями экономического роста, а скорее складами человеческого отчаяния.» [95, с. 143, перевод]. Городские мануфактуры в большинстве случаев не могли обеспечить занятость быстро растущему населению городов [90, с. 35]. Естественно, в такой ситуации едва сводившие концы с концами крестьяне, горожане и рыбаки всё чаще обращали свое внимание на морской промысел.

Оказавшись в порту, у потенциального моряка на выбор было два пути: он мог записаться в Королевский или торговый флоты, а мог вступить в каперскую команду. Второй вариант, несомненно, сулил намного большие риски, но и возможная добыча была несравненно богаче. К тому же привлекательным было и намного более лояльное и справедливое отношение к матросам на каперских и пиратских кораблях, так как служба на торговом корабле, как правило, строилась по авторитарной модели, при которой капитан обладал почти неограниченной властью: он занимался вопросами распределения пайков, дисциплины, оплаты и маршрута [110, с. 164]. Моряки, в особенности малоопытные матросы, страдали от жестокого обращения, задержек жалования и произвола. Многие стремились в море, чтобы избежать подобного жизненного уклада. Дэвид Кордингги считает этот мотив основным для выбора в пользу службы на пиратском или каперском корабле: «Многие из тех, кто присоединился к пиратским флотилиям, были разочарованными матросами, ранее служившими на торговых судах, где с ними обращались жестоко и платили скверно» [99, с. 74].

Одной из наиболее многочисленных социальных групп, пополнявших ряды пиратов в раннее Новое время, были безработные матросы. После завершения очередных военных конфликтов или временного сокращения торговой активности многие моряки оказывались без средств к

существованию [75, с. 101]. Торговые и военные флоты не могли обеспечить полную занятость, да и как мы уже выяснили, условия службы на них оставляли желать лучшего. Но при этом опыт, знания и умение обращаться с оружием делали этих моряков ценным приобретением для пиратских команд.

Помимо наймы потерявших работу матросов, пиратские экипажи формировались за счет массового дезертирства моряков с торговых и военных кораблей. В книге Александра Эксквемелина описаны случаи перехода части команды с легальных судов на пиратские: «Многие из тех, кто служил на английских и французских кораблях, покидали службу и присоединялись к флибустьерам, ибо надеялись найти у них больше свободы и наживы» [31, с. 45].

В период с XVI по XVII вв., происходят первые устойчивые контакты между ранее изолированными регионами, расширяются морские торговые пути, начинают свое формирование колониальные империи. С конца XVI века, по мнению американского политолога Иммануила Валлерстайна, начинается становление мировой экономической системы, в основе которой лежит не только промышленное производство, но и морская торговля, в том числе нелегальная [64, с. 288]. Пиратство становится частью экономического механизма, питающего европейские рынки колониальными товарами. Историк Дэвид Армитидж в своих исследованиях также отмечает роль морской экспансии в формировании глобального порядка нового типа, где непрекращающаяся борьба за контроль морских торговых путей стала играть ключевую роль в геополитической конкуренции [62, с. 256].

Все это способствовало восприятию многими людьми моря как некоего свободного от четких государственных границ пространства. Что делало морской промысел привлекательным для всякого рода свободолюбивых авантюристов и людей, стремящихся скрыться от надзора того или иного государства, в том числе и Англии.

Пиратская романтика и любовь к приключениям также могут считаться фактором приобщения к жизни морского разбойника, особенно под влиянием

популярных историй, встречающихся как в устной традиции, так и на брошюрах того времени. Одним из наиболее известных примеров этого служит судьба пиратского капитана Бартоломью Робертса - Чёрного Барта, ставшего символом отваги и свободолюбия. В соответствии со своим девизом: «Жить весело и недолго» [23, с. 175], отражающим дух авантюризма, он захватил более 400 судов, прежде чем он погиб во время боя у побережья Африки в 1722 году в возрасте тридцати девяти лет. Но все же современные историки склонны считать данный пример скорее исключением, чем правилом. Например, Маркус Редикер считает, что большая часть моряков соглашалась на пиратский промысел вследствие социально-экономического давления, а не идеалистического стремления к свободе [110, с. 201].

Помимо опытных моряков, оставшихся без работы, потерявших землю крестьян и авантюристов пиратские корабли стали возможностью добыть пропитание и для совсем неопытных юношей. Низкий рост, ловкость и физическая выносливость давали подросткам преимущество в работе в условиях ограниченного пространства корабля. На практике они выступали в роли юнг, помощников артиллеристов и сигнальщиков. В конце XVII века служба подростков на кораблях была очень распространённым явлением, особенно на пиратских кораблях, где гибкость и энергичность были важнее квалификации [110, с. 188]. Кроме того, морской промысел часто был для них шансом сбежать подальше от нищеты или наказания за какие-либо мелкие преступления. Многие несовершеннолетние также попадали на пиратские суда случайно, следуя за старшими товарищами.

Учитывая все вышесказанное, может показаться, что среди людей, решивших связать свою жизнь с пиратством, были представители исключительно бедных, маргинальных слоев населения. Но стоит уточнить, что иногда встречались и представители достаточно богатых родов. В качестве примера может служить один из самых знаменитых пиратов XVII века - Генри Морган. По словам Александра Оливье Эксквемелина, капитан происходил из «почтенной семьи» [31, с. 53]. В английском издании книги, говорится, что он

был «gentleman born», то есть выходцем из буржуазной среды. Но из-за нежелания продолжать дело семьи, ушел в море: «Он бежал от своих родственников, не желая следовать за плугом, как его отец» [31, с. 53].

Также примером вовлечения в морской разбой представителей высших слоев общества можно считать одного из фаворитов королевы Елизаветы I - сэра Уолтера Рэли. Он происходил из знатной девонширской семьи, получившей там земли ещё в XV веке. По словам английского историка Джона Гая: «Рэли был джентльменом не только по происхождению, но и по воспитанию и связям, он с юности вращался при дворе и получил образование в Оксфорде» [69, с. 642]. Но не смотря на свой статус Рэли активно участвовал в каперских экспедициях против испанцев. Эти факты подтверждает мнения исследователей, что социальная база английского пиратства в раннее Новое время была достаточно широкой: от вчерашних крестьян и безработных матросов, до представителей обеспеченных семей, а иногда даже бывших офицеров [99, с. 211].

Парадоксально, но наряду с обнищанием населения возрастали объемы морской торговли. Этот рост был обусловлен Великими географическими открытиями, значительно возросшей суммой экономической продукции и вовлечением европейских стран в глобальные торговые процессы. На фоне растущего объёма перевозимых товаров: от золота и серебра, до сахара, табака и пряностей, морской разбой становился все более и более прибыльным занятием.

Следующим фактором можно считать начавшуюся после 1494 года эксплуатацию Испанией богатств своих недавно приобретенных владений - большей части Центральной и Южной Америки, который были признаны её сферой влияния по Тордесильясскому договору с Португалией [3]. Огромные золотые и серебряные запасы империй ацтеков и инков были источником этого богатства. Многие европейские державы, в основном англичане и французы в попытках догнать восходящую Испанию способствовали созданию пиратских и каперских команд, совершавших рейды на Серебряный

флот. Именно с этим фактом связаны имена многих известных каперов английской короны: сэра Мартина Фробишера, сэра Фрэнсиса Дрейка, сэра Уолтера Рэли, сэра Джона Хокинса.

В завершении разговора о социальной базе английского пиратства и причинах вовлечения людей в разбойный промысел рассмотрим вопрос масштаба этого явления. Согласно работам английского историка - Кеннета Эндрюса - в период открытого Англо-Испанского противостояния - войны 1585-1604 года - из Английских портов выходило в среднем сто каперских судов [62, с. 36]. Конечно, количество нерегламентированных, пиратских, команд, к сожалению, точному подсчету не поддается.

Однако такие исторические источники как: прокламация королевы Елизаветы I от 1583 года: «Мы ежедневно получаем информацию о возмутительных беспорядках, совершаемых различными нашими подданными, которые под предлогом репрессалий или мнимого поручения грабят торговцев и мешают торговле наших друзей и союзников, что бесчестит нашу Корону и грозит в ответными действиями» [38, с. 350-351, перевод]; рапорт капитана Джона Смита 1614 года: «На этих берегах можно заметить больше английских пиратов, чем иностранных торговцев.» [44, с. 211, перевод]; запись протоколов заседания Адмиралтейства в 1671 году: «Отчеты Ост-Индской компании и других торговцев свидетельствуют о тяжком ущербе, причиненном пиратами, особенно нашим торговым морским путям у берегов Мадагаскара» [9, перевод]; обращение Палаты Общин 1701 года «Эта Палата принимает во внимание угрозу пиратства для британской торговли, особенно в Вест-Индии и на американском побережье» [34, с. 200, перевод]; доклад капитана Вудса Роджерса губернатору Ямайки в 1719 году «Если не принять надлежащих мер, рост числа моряков, становящихся пиратами, может полностью парализовать торговлю на острове» [40, перевод], прямо свидетельствуют, что английские власти регулярно сталкивались с пиратской угрозой, особенно в ключевые периоды расширения морской торговли.

Далее рассмотрим общие особенности пиратов, как социальной группы. Пиратство представляло собой замкнутую социальную систему, объединявшую маргинализированных людей, связанных друг с другом общим ремеслом преступников-маргиналов, чуждыми для цивилизованного мира. В глазах общества жестокость и обречённость этих изгоев сочетались с представлением об их особой преступной исключительности и избранности, поскольку они выступали против законов общества, которое их породило. Прокламации о помиловании прямо указывали на преступную, разрушительную природу пиратских сообществ и стремление властей искоренить «этих преступников, которые своими действиями подрывают международную торговлю и общественный порядок» [51, с 1-4].

Пиратская среда представляла собой сложное сообщество с устойчивыми внутренними связями, которое находилось в состоянии постоянной военной конфронтации с государственными структурами и разрабатывало агрессивную стратегию существования. Одним из ключевых методов психологического воздействия, которые использовали пираты, была зловещая символика. Ярчайшим примером которой является знаменитый «Весёлый Роджер», использовавшийся, чтобы деморализовать экипаж противника ещё до начала боя. Пираты применяли и силовые методы для оказания давления на общество, включая террор против колониальных властей и жёсткий шантаж потенциальных жертв. В отчете губернатора Ямайки сэра Николаса Лоусона, посвященного деятельности Джека Рэкхема говорится, что «пираты угрожали сжечь прибрежные деревни, если им не будут предоставлены припасы» [16, с. 234]. Однако, вопреки распространенным мифам, насилие со стороны пиратов не носило хаотичный характер, наоборот оно было вполне рациональным средством достижения экономических целей [75, с. 170-173]. Пираты стремились минимизировать потери и максимизировать трофеи, поэтому они скорее пугали, чем убивали, и при первой же возможности вступали в переговоры, выступая

своеобразными дипломатами на территориях, где не действовали государственные законы.

На первый взгляд может показаться, что пиратские команды — это стихийно сформированные, неорганизованные группы разбойников, но в раннее Новое время корректнее будет рассматривать пиратство как профессию, а решение моряка записаться в пиратскую команду вместо того, чтобы отправиться, например, на торговую галеру, считать вполне обычным. Как правило, поведение пиратов зависело от тех же факторов, что у любого человека, выбирающего профессию. В традиционном понимании этого слова они были весьма рациональны, реагируя на экономические условия эпохи и стремясь к достижению поставленных целей.

Пиратские и каперские команды, рассеянные по морю, являлись неотъемлемой частью моряцкого социума с характерной системой группового воспроизводства и корпоративных отношений. Следуя этой логике, пиратское судно представляло собой организацию, нацеленную на получение прибыли.

Пираты разработали систему социальных правил, регулирующих распределение добычи, предотвращающих конфликты на борту и даже определяющих, когда матросам можно пить и курить: для поддержания их формы перед абордажем. Эти правила были зафиксированы в уставах - своеобразных корабельных конституциях, с которыми потенциальные члены команды должны были ознакомиться и согласиться перед началом плавания. Об этом свидетельствует один из самых знаменитых кодексов, составленных капитаном Бартоломью Робертсом: «Никто не должен играть в карты или кости на деньги. Свет и свечи должны быть погашены в восемь вечера: если кто-либо из команды после этого часа все еще будет склонен пить, они должны сделать это на открытой палубе» [23, с. 243 перевод].

В отличие от централизованного распределения ресурсов на военных и торговых кораблях, участники этой группы были своего рода акционерами, владевшими судном в равных долях. Согласно «Articles of agreement» - пиратским уставам - добычу, или, точнее говоря, полученные доходы, пираты

распределяли между собой согласно принципу выплат на основе акций или, как их называли в самой пиратской среде - долей [57, с. 34]. Капитан, как правило, получал от полутора до двух акций, квартирмейстер и штурман - полторы, а остальные члены команды - по одной [57, с. 34]. При этом существовали и дополнительные компенсации, например за потерю конечностей или особо ценные трофеи. Благодаря этой системе в пиратских командах поддерживался высокий уровень солидарности и вовлеченности в общее дело.

Организационная структура пиратского судна отличалась высокой степенью горизонтальности и коллективного управления. Пираты совместно выбирали капитана и квартирмейстера - старшего помощника, рулевых и штурманов. Согласно, все тому же кодексу капитана Бартоломью Робертса: «все вопросы, затрагивающие общее благо, решаются голосованием команды» [23, с. 244]. Каждый член команды имел чётко определённую сферу компетенций, хотя иногда возникали пересечения. Основой системы была практика разделения властей, которая почти полностью исключала произвол со стороны пиратских капитанов, зачастую они теряли свои полномочия, если проявляли трусость или деспотизм [23, с. 241-245].

В условиях, когда большая часть Европы находилась в условиях фактической правовой и социальной незащищенности, пиратские сообщества выступали в роли неких альтернативных форм общественного устройства. Помимо уже упомянутых относительно демократических порядков на корабле, принципов равенства, самоуправления и даже ранней формы социального страхования, пиратская социальная структура демонстрирует ещё одну достаточно необычную для XVII-XVIII вв. особенность. На пиратских судах в большинстве случаев не наблюдались жесткие национальные, расовые или сословные различия. По данным британского Адмиралтейства нередко фиксировались случаи, когда африканцы, белые, мулаты или бывшие рабы становились равными членами экипажа пиратского корабля [11].

Вследствие чего можно сделать вывод, что английское пиратство в раннее Новое время представляло собой, сложное и многогранное явление, возникшее, с одной стороны, как стихийное продолжение традиций морского разбоя предыдущих эпох, а с другой как инструмент международной политики. Пиратские и каперские команды, безостановочно пополнявшиеся представителями из самых разных социальных групп: от обедневших матросов и крестьян, до разочаровавшихся в службе офицеров. Их объединяло не только желание быстрого заработка, но и поиск альтернативных форм существования, не ограниченных жестокой иерархией и правовыми нормами государств. Жизнь пиратских сообществ выходила далеко за рамки простой экономической деятельности, важную роль в их функционировании играли особенности социальной структуры, определявшие их внутренние порядки, ценности и взаимоотношения как внутри команды, так и с внешним миром. Это позволяет рассматривать пиратов не только как хаотичных преступников, но и как с одной стороны одно из самых гибких, а с другой глубоко регламентированных сообществ своего времени.

1.2 Пиратство как инструмент модернизации Англии в раннее Новое время: политика и экономика

Английская модернизация включает в себя комплекс взаимосвязанных черт: экономические, политические, социальные и культурные [71, с. 11]. В данном параграфе мы рассмотрим, как английское пиратство XVI-XVIII вв., будучи, инструментом внешней политики и стимулом к социально-экономическим преобразованиям, стало катализатором модернизации.

Пиратство в раннее Новое время являлось в первую очередь одним из важнейших элементов борьбы Англии за первенство на мировой арене. Можно выделить два основных направления внешней политики в которых привлекались каперы. «Военное» - прямое столкновение с торговыми судами противоборствующей державы, в первую очередь Испании и Португалии. Английские каперы, такие как Фрэнсис Дрейк и Джон Хокинс совершали дальние морские рейды и наносили значительный урон испанской торговле и снижали её влияние в Атлантике [99, с. 113]. И «Картографическое» или «колониальное» - борьба за территории Нового Света. Каперские экспедиции не только подрывали влияние Испании в Карибском бассейне, но и способствовали усилению английских территорий, таких как Ямайка, Барбадос и Багамы [76, с. 536]. Также в данном параграфе будет отмечено и косвенное влияние нелегальных пиратских команд на усиление позиций Англии среди Европейских держав.

Предыдущий параграф был посвящен зарождению пиратства на территории Британских островов, и в нём лишь косвенно упоминалась практика привлечения частных судов на государственную службу, поэтому следует подробнее остановиться на вопросах истоков и развития практики использования Английской Коронай каперов для достижения своих целей на море.

Возникновение практики каперства в Англии непосредственно связано со слабостью и малочисленностью регулярного флота в Средние века. Ещё во

времена короля Иоанна Безземельного английский флот воспринимался лишь, как вспомогательное средство для доставки войск через море и обратно, чем как самостоятельная сила [42, с. 52]. Вследствие чего Корона посчитала, что более рентабельно будет переложить эту обязанность на частные корабли. Так возникла практика «ship service» - «корабельной службы» - для прибрежных городов [30, с. 1114]. Суть службы была схожа с обязанностями вассалов в феодальных армиях: портовые города должны были при необходимости присылать королю полностью подготовленные и снаряженные за счет местных ресурсов корабли [49, с. 279]. Однако со временем эта практика стала слишком обременительна для английских рыбаков и торговцев, особенно в периоды длительных военных кампаний. Поэтому возникла потребность в формировании такого же дешевого, но более гибкого и эффективного механизма мобилизации морских сил.

Поэтому уже в правление Генриха III оформляется практика заключения контрактов с частными лицами, для ведения морских операций против врагов Англии за вознаграждение или долю от добычи. Сохранился документ от 1243 года, в котором прямо зафиксировано разрешение на морской грабеж: «Знайте, что мы разрешили и выдали лицензию Адаму Робернолту и Уильяму Савиджу и их компаньонам, которых они возьмут с собой, чтобы досаждать нашим врагам на море, на земле и везде, где только способны, чтобы они делились с нами половиной всей своей добычи» [49, с. 278-279, перевод]. Его можно считать первым примером лицензированного морского разбоя.

Значимый поворот в истории английского каперства произошел в XIV веке. Именно в статуте, изданном Эдуардом III в 1354 года, был официально закреплено положение лиц, получавших разрешение на агрессивных действий против вражеских государств в море: «И если кто-либо из нашего королевства получит от нас грамоту дозволения, дабы взыскивать убытки с подданных иностранных держав, то да будет он действовать по справедливости, не нанося вреда нашим подданным и союзникам» [46, с. 345-346, перевод].

А в 1426 году, согласно материалам Privy Council - Королевского совета, в административном порядке были зафиксированы процедуры предоставления отчетов о захваченной добыче и её раздела: «Приказано, чтобы капитаны, захватившие трофеи на море, предстали перед Королевским советом и дали отчет обо всех захваченных товарах, чтобы королевство могло извлечь из этого свою часть» [7, с. 112-113 перевод]. Это свидетельствует о постепенной институализации морского разбоя, его переходе от стихийной практики к регулируемой государством системе.

Но именно в эпоху борьбы за превосходство на море в раннее Новое время каперство формируется как полноценная часть государственной политики Англии. На протяжении этого периода, согласно Дмитрию Николаевичу Копелеву, можно условно выделить три модели взаимодействия Короны и пиратов [76, с. 33-35]:

- 1) Начало - 80ые годы XVI века - скрытая поддержка английских каперов, причинявших вред кораблям вражеских государств;
- 2) 1585 - 1604 год - официальная Англо-Испанская война и открытая поддержка пиратов;
- 3) XVII - первая половина XVIII вв. - сокращение числа каперских команд и активное вытеснение пиратов из территориальных вод Англии.

Первая модель особенно интересна тем, как каперская деятельность воспринималась в английском обществе того времени. Количество английских каперских судов резко возросло с началом в 1557 году очередного Англо-Французского конфликта в ходе Восьмой Итальянской войны. В это время английские каперы получали официальные патенты, разрешающие им атаковать французские торговые и военные корабли от имени английской Короны в интересах коалиции. В годы войны каперы пользовались активной поддержкой, как Англии, так и её союзника - Испании. Это подтверждается патентом, выданным 27 июля 1557 года, согласно которому капитан Томас Флеминг имел право атаковать любые французские суда и забирать их грузы от имени английского флота: «с полным правом и полномочиями нападать,

захватывать и доставлять в английские порты любые французские суда и их товары» [45, перевод]. А благодаря сохранившемуся докладу французского посла в Лондоне 1558 года, согласно которому, каперы, действовавшие из портов Дувра, Бристоля и Саутгемптона, захватывали не только мелкие торговые суда, но и крупные грузовые корабли [26], можно сделать вывод о высокой эффективности этого инструмента морской борьбы.

Однако уже в 1559 году ситуация резко меняется: с Францией заключен Като-Камбрезийский мирный договор, а парламентом в том же году был принят «Акт о верховенстве», провозгласивший королеву Елизавету I главой Церкви в Англии, что фактически закрепляло движение страны в сторону протестантизма. Этот шаг вновь усилил напряжение с главным католическим гегемоном в мире - Испанией. Противостояние приобрело не только политический, но и религиозный характер, что отразилось на мотивации английских моряков. В каперских и пиратских командах традиции грабежа уже испанских и португальских кораблей в знак протеста против испано-католической опасности стали восприниматься, как священная обязанность каждого британского моряка, как своеобразный патриотический подвиг. Об этом, например, писал Ричард Хаклюйт в своем сборнике «Книга путешествий» 1598 года: «Англичане, грабившие испанцев, действовали не как воры, а как защитники своей веры и своей Королевы» [33, с. 215]. А подтверждение этого тезиса в официальных документах можно проследить в каперских патентах, выданных в шестидесятых-семидесятых годах XVI века, в которых особое внимание акцентировалось на необходимости защиты английских интересов от католической угрозы [61].

Правда, уже к концу XVI века мотивация английских моряков присоединяться к каперским командам значительно изменится. Если в первой половине столетия каперство зачастую рассматривалось как форма патриотического служения Короне, особенно во время противостояния с Францией и Испанией, то ближе к 1580-1590-ым годам оно всё чаще стало восприниматься как инструмент личного обогащения. Это отражено в письме

Елизаветы I одному из своих адмиралов 1590 года: «они становятся каперами больше из-за добычи, нежели ради служения» [19].

Судебные процессы и санкции в отношении пиратов в это время были достаточно редкими несмотря на явную угрозу, которую пираты представляли уже в территориальных водах Англии. Примером этого можно считать жалобы фламандских рыбаков и купцов, корабли которых подвергались разграблению. Королева получала жалобы от иностранцев, но англичане стремились скорее не бороться, а привлечь пиратов на государственную службу и использовать в своих интересах. Так, в 1564 году, согласно сохранившимся в архиве Почтеннейшего Тайного Совета Его Величества письмам, Елизавета I приказала известному авантюристу и военному деятелю сэру Питеру Керью иметь корабли для преследования пиратов, и поддерживать флот в готовности за счет конфискованного у морских разбойников [8, с. 345-348].

Подобная практика подтверждается и письмом, отправленным Елизаветой I одному из вице-адмиралов Королевского флота, в котором она прямо рекомендовала: «привлечь некоторых лиц, арестованных по подозрению в морском разбое, дабы их можно было использовать на королевской службе» [19]. Так формировался типичный для Англии середины XVI - начала XVII вв. подход: адаптировать насилие для государственной пользы, а не подавлять его без остатка.

За счет этого к 1565 году борьба с пиратством в Английских водах получила значительную финансовую поддержку, а местным морским офицерам были направлены распоряжения об усилении контроля над прибрежными районами, особенно в устьях Темзы, Бристольского залива и у побережья Норфолка [8, с. 451]. При этом английская корона почти не препятствовала переносу деятельности морских разбойников в менее контролируемые районы - воды Нового Света.

Параллельно с начавшейся борьбой с пиратством в английских прибрежных городах активно развивалась портовая инфраструктура,

обслуживающая торговые и каперские предприятия. Исходя из плана Лондона, составленного Ральфом Агасом в 1561 году, прибрежные порты включали специализированные складские помещения, доки, верфи и постоянные дворы [25]. Такие города, как Бристоль, Плимут, Саутгемптон и Дувр, оформлялись как важные логистические центры, в которых сложилась целая система посредников для каперской деятельности: от кораблестроителей и поставщиков провианта, до нотариусов, оформлявших необходимые документы [62, с. 114].

Согласно докладу Адмиралтейства от 1579 года известному пирату и каперу Джону Хокинсу, по личному приказу королевы Елизаветы, надлежало обеспечить ремонт и расширение большого количества причалов, доков, пристаней и складских помещений в Английских городах на побережье, для того чтобы «создать надёжную береговую инфраструктуру для снабжения, ремонта и перегрузки» [19].

Развитие портовой инфраструктуры - яркий пример того, как каперские предприятия внесли свой вклад в экономическую модернизацию Англии, формируя передовую для XVI века модель сотрудничества частного предпринимательства с государственными интересами.

В дальнейшем множество английских пиратов и каперов за свои заслуги перед Англией удостоивались рыцарского титула, а их многочисленные рейды, походы и открытия входят список важнейших событий своего века.

Самым знаменитым английским капером и символом английской морской экспансии Раннего Нового времени, несомненно, считается сэра Фрэнсис Дрейк. С его именем связано множество экономических и политических достижений Английской короны на море. Так в 1573 команда Дрейка организовала смелый рейд на конвой Серебряного флота, Испания лишилась, по разным оценкам, вплоть до двадцати тонн серебра и золота [62, с. 125-126].

Следующей его заслугой стала, совершенная под патронатом Елизаветы I, второе в истории человечества кругосветное плавание 1577-1580 годов. В

ходе этой экспедиции он не только добыл для короны более 263 тысяч фунтов стерлингов, но и впервые заявил права на Английский суверенитет над регионом, названным им «Новый Альбион» - территория современного побережья Калифорния [75, с. 532]. За это, по возвращении в Англию, он был торжественно посвящен в рыцари на борту своего корабля Golden Hind.

Фрэнсис Дрейк сыграл одну из ключевых ролей во время Англо-Испанской войне 1585-1604 годов. В 1588 году он принимал участие в разгроме Непобедимой армады, а позже возглавил несколько экспедиций против испанских колоний, включая нападение на Санто-Доминго и Картахену в 1586. Его карьера закончилась неудачной атакой Сан-Хуана 1596 года, после которой он умер от дизентерии у берегов Портобело [73, с. 117].

В рамках данного параграфа важно отметить, что Дрейк - не просто культовая фигура английского мореплавания, а в первую очередь важный агент процесса модернизации Англии. Его успешная деятельность на море, в ходе которой он захватил множество богатых трофеев, вдохновила на создание новых торговых компаний, чем способствовала расширению морской торговли и колониальной экспансии. С этим тезисом согласен профессор Гарвардского Университета Дэвид Армитидж: «рейды Дрейка расширили английские торговые горизонты и подготовили почву для империалистических амбиций Англии в XVII веке» [62, с. 94-95]. Экспедиции Фрэнсиса Дрейка, включая кругосветное путешествие, финансировались как коммерческие предприятия, в которые инвестировали многие высокопоставленные лица, что можно считать зарождением раннего венчурного капитала [73, с. 84]. Традиция территориальных притязаний Англии за пределами Европы, начатая Дрейком, и его борьба с католической Испанией укрепляли национальную идентичность Англии, как протестантской морской державы и положили начало формирования британского колониального мышления [82, с. 343-352].

Среди Английских каперов, оставивших след в истории особый интерес представляет сэр Мартин Фробишер. Помимо каперской деятельности у

берегов Северной Америки и Северной Африки, он также командовал одним из передовых судов в битве с Непобедимой Армадой. А в девяностых годах XVI века учувствовал в экспедициях против испанских владений в Северной Америке, направленных на укрепление английского присутствия в Новом Свете, включая рейды на Картахену и захват Сан-Августина.

Но его главной заслугой можно считать описание южных берегов Гренландии и побережья Баффиновой земли, а также заметки о природе айсбергов и ледовых полей, которые он сделал во время своих экспедиций по поиску Северо-Западного прохода в Азию в 1570-1580-х годах [80, с. 326]. Хоть проход так и не был найден знаниями, полученными в ходе этих экспедиций, будут пользоваться последующие поколения английских исследователей и колонистов.

Как и Фрэнсис Дрейк, Мартин Фробишер является олицетворением нового капиталистического подхода к морским предприятиям. Его экспедиции финансировались лондонской торговой элитой, включая, например, финансиста Майкла Локка, и были направлены на извлечение прибыли от торговли, грабежа и колониального освоения [73, с. 85].

Ещё одним примером значительного вклада каперов в решении внешнеполитических задач Англии является деятельность Сэра Джеймса Ланкастера. Будучи участником битвы с Непобедимой Армадой, организатором первой английской экспедиции в Ост-Индию и рейда в Бразилию, он был приглашен возглавить экспедицию созданной Елизаветой I в 1600 году Ост-Индской компании. Получив статус официального посланника королевы, он заключил альянс с султаном Ачеха и заключил ряд выгодных торговых договоров [83, с. 478-479].

После заключения Лондонского мира с Испанией в 1604 году, завершившего долгую Англо-Испанскую войну, Англия отозвала множество ранее выданных каперских свидетельств. Это решение было зафиксировано в документах Тайного совета [20, с. 188-190] и сопровождалось приказами об аресте бывших каперов, не прекративших свою деятельность [43, с. 495].

Многие каперы перешли на нелегальное положение, создавая значительные трудности не только иностранным торговым судам, но и Английским подданным. Уже в 1606 году в парламенте обсуждался рост числа нападений на английские торговые суда [62, с. 47], в ряде случаев это происходило даже в Английском канале, что воспринималось, как прямая угроза безопасности побережья.

Во многом по этой причине государство меняет свою военно-морскую политику и берет курс на усиление регулярного Королевского флота. В 1650-ые годы, благодаря стараниям Оливера Кромвеля регулярный флот наконец получил централизованное управление и расширенное финансирование [76, с. 668]. В результате этих реформ был проведен ряд активных морских операций против пиратов, после чего англичанам удалось вытеснить пиратские суда из прибрежных вод Британии. Эти события, по мнению исследователей, являются косвенным вкладом пиратов в военную модернизацию Англии в раннее Новое Время.

Но несмотря на это, при необходимости Английские монархи хоть и не так массово, но все же прибегали к услугам каперов, примерами чего служит деятельность Генри Моргана и Джона Клиппертона.

Во время Английской гражданской войны 1642-1651 года противоборствующие стороны, не располагая достаточными регулярными флотами привлекали на свою сторону частные вооруженные суда, выдавая им каперские патенты.

Так в 1645 году недовольный революционными властями капитан Джон Макнелл, согласно данным Тайного Совета, разграбил несколько торговых судов, после чего прибыл в Дублин, находившийся под контролем роялистов, и передал все награбленное и корабль представителям Карла I [21, с. 217].

Другие каперы учувствовали в войне на стороне парламента. В 1645 году капитан Ричард Ингл, командовавший кораблем Reformation, получил от парламента Англии официальную каперскую грамоту и использовал её для ведения морского разбоя в колонии Мэриленд. Ингл взял под контроль форт

Сент-Мэри, временно установив власть сторонников парламента в регионе [93, с. 58-60]. Эти события вошли в английскую историографию, как «Ingle's Rebellion» - «Восстание Клейборна и Ингла».

Эти случаи наглядно демонстрируют, как институт каперства, будучи гибким инструментом морской борьбы, в условиях отсутствия централизованного флота, оказался эффективным инструментом не только в международных конфликтах, но и внутренних гражданских противоречий.

Заключительным примером активного участия каперов во внешней политике Англии можно считать Войну за испанское наследство 1701-1714 годов. В это время английская Корона вновь активно прибегала к услугам каперов, официально уполномоченных атаковать суда противников в Атлантике, карибском море и Индийском океане.

Самыми яркими представителями английского каперства в этот период были Вудс Роджерс и Уильям Дампир. Первый прославился как командующий экспедицией 1708-1711 годов, в ходе которой его судно захватило богатые трофеи у берегов Латинской Америки. В ходе этой экспедиции его команда спасла шотландского моряка Александра Селкирка, ставшего прототипом Робинзона Крузо - героя одноименного романа Даниеля Дэфо. За свои заслуги Роджерс получил благодарность от Адмиралтейства и в 1718 году был назначен губернатором Багамских островов, где сыграл ключевую роль в укреплении английской власти в Новом свете, в том числе путем борьбы со своими бывшими коллегами [40].

Уильям Дампир - опытный моряк, натуралист и капер, совершивший три кругосветных путешествия, из которых первое и третье напрямую связаны с каперской деятельностью. Его участие в рейдах против испанцев и голландцев, а также научные описания флоры, фауны и народов Тихоокеанского региона принесли ему широкую известность [27, с. 512]. Дампир стал первым англичанином, дважды пересекшим пролив между Новой Гвинеей и Австралией, а его труды по навигации и географии активно использовались в британском флоте в XVIII веке.

Итак, Английская внешняя политика и раннекапиталистические процессы Раннего Нового времени непосредственно связаны с деятельностью пиратских и каперских команд. В условиях слабости собственного флота, нехватки средств на его модернизацию и постоянной угрозы со стороны моря английские власти стремились легализовать и взять под контроль пиратский промысел своих подданных. Но со временем пиратство, особенно после заключения мирных договоров между Англией и Испанией, закончивших войну за испанское наследство, начинает приносить слишком большие убытки. К тому же регулярный военный флот Англии становится достаточно многочисленным и сильным, чтобы защищать свои интересы на море и в колониях без помощи различного рода каперов. В результате чего, каперство постепенно перестает являться основным орудием достижения внешнеполитических целей на море.

Одновременно со снижением роли свободного промысла во внешней политике, все более очевидна становится связь развития капиталистических - товарно-денежных отношений в раннее Новое время с морем, а значит и с широко распространившимися пиратскими и каперскими командами.

Пираты и каперы, ведя свою основную деятельность на море, все же не могли обходиться без регулярных заходов в порт, с целью пополнить припасы и продать награбленное. Следовательно, каперская и пиратская деятельность способствовала формированию в портовых городах целой экосистемы, развивающейся параллельно с деятельностью каперов. Только в мифах и приключенческих романах пираты захватывали корабли, груженные тоннами золота, на деле же это было довольно редким явлением. Основным призом морских разбойников являлись: ром, сахар и табак [63, с. 293-294]., которые необходимо было сбыть для получения прибыли

Изначально такие предприятия развивались в крупных городах в самой Англии, например в Лондоне, где местные чиновники напрямую способствовали реализации добытых в экспедициях товаров. Городские власти получали свою долю с продажи захваченной продукции на местных

рынках или через сеть аукционов. Но со временем морское законодательство ужесточалось: так с 1608 года капитаны кораблей перед отплытием должны были оставлять залог, «вдвое превышающий стоимость корабля» [20, с. 188-190]. И в случае уличения в пиратстве залог конфисковывался в пользу государства.

Параллельное усиление преследования пиратов в Ла-Манше, увеличение портовых тарифов и введение ограничений на разгрузку трофейных товаров в портах Англии [20, с. 188-190] привело к переносу экономических центров пиратства и каперства в Новый Свет. Особенно активно развивались порты Ямайки, Барбадоса и Нью-Провиденса, где власти в большинстве своем были готовы работать с пиратами и скупщиками трофеев [99, с. 211].

Но самыми яркими примерами таких центров являются так называемые «свободные порты» на островах Тортуга и Нассау [75, с. 457-472]. Скупая награбленное у пиратов, они превратились в своеобразные перевалочные пункты мировой торговли. Это приводило не только к обогащению, непосредственно вовлеченных в процесс пиратов и скупщиков, но и, будучи частью повседневной экономической жизни, значительно интенсифицировало всю морскую торговлю. Этот тезис разделяет историк Кеннет Эндрюс, так в одной из своих работ он пишет, что: «в условиях слабой административной вертикали в Новом Свете, именно каперы становились носителями английского влияния и обеспечивали экономическое выживание ряда колоний» [62, с. 205].

Пиратский промысел в определенном роде можно назвать пионером в области экономических союзов. Снаряжение пиратской или каперской экспедиций требовало значительных финансовых вложений: закупка провизии, снаряжение корабля, найм команды. Ввиду чего эти рейды постепенно стали приобретать форму паевого предприятия, которое финансировалось частными лицами, а порой даже представителями власти [75, с. 112-113]. По результатам плавания вкладчики получали свои доли в

соответствии с размером инвестиции. Даже Елизавета I имела паи в экспедициях Фрэнсиса Дрейка и Мартина Фробишера. Согласно сохранившимся отчетам, Королева инвестировала в экспедицию около 1000 фунтов, получив после её завершения около 4700 фунтов, что составило более 460 процентов дохода [17, с. 316].

Фактически пираты, контрабандисты и скупщики представляли собой хорошо организованные устойчивые неформальные экономические сети, нацеленные на получение прибыли - своеобразные синдикаты. Они не только координировали действия на море и на суше, но и защищали интересы друг друга в судах, через подкуп чиновников и участие в заседаниях парламента. Подобную модель поведения можно считать ранней формой финансового капитализма, в рамках которого морской разбой становится не хаотичным промыслом авантюристов, а рациональным инструментом накопления капитала.

Политические преобразования, связанные с деятельностью пиратов в первую очередь, ассоциируются с расширением колониальных владений Короны. Особенно ярко это иллюстрирует деятельность Генри Моргана, занимавшего с 1670-ых по 1682 год пост вице-губернатора Ямайки. Согласно записям губернатора Томаса Линча, Морган активно использовал свои грамотно выстроенные отношения с местными пиратскими и каперскими командами для превращения Ямайки из далекой аграрной колонии превратилась в крупный центр местной торговли [18, с. 112-117]. Английские власти прибегали к услугам таких личностей как Морган, не только желая увеличения дохода, поступавшего от колоний, но и с целью обеспечения контроля над новоприобретенными территориями, путем регулирования частного предпринимательства.

Также каперство внесло значительный вклад в развитие конкуренции на формирующемся рынке свободной рабочей силы, как проявлении модернизации экономических отношений [76, с. 67]. Дело в том, что количество колоний, желавших получить доход от морского разбоя,

превышало количество каперских команд. И колониальные администрации были вынуждены предлагать как можно более привлекательные условия для пиратов.

Модернизация социальной сферы жизни общества также непосредственно связана с феноменом морского разбоя в раннее Новое время. Пиратский социум, получивший столь широкое распространение в результате экономических и социальных кризисов в Англии, превратился в один из локомотивов их преодоления.

Проводимая в годы правления первых Тюдоров политика огораживания и слабо развитая городская промышленность породили широкие массы свободной рабочей силы, пожелавшей попытать удачи на море. Их успехи повлекли за собой развитие портовой инфраструктуры, и как следствие привлечение в порты свободной рабочей силы.

Как уже было неоднократно подмечено, пиратские сообщества отличались элементами социальной мобильности и внутреннего самоуправления. Горизонтальная мобильность заключалась в возможности относительно безболезненной смены, как матросом, так и капитаном корабля, команды и даже региона ведения промысла. Так Уильям Дампир за свою карьеру командовал как минимум тремя кораблями, включая *St. George*, *Roebuck* и *Cinque Ports* [27, с. 229, 358]. Кроме того, он служил в качестве штурмана на корабле Вудса Роджерса во время экспедиции 1708-1711 годов [27, с. 38]. Также горизонтальная мобильность проявлялась и в способности пиратов относительно свободно перемещаться между различными географическими зонами: от прибрежных вод Британии до Нового света.

Вертикальная социальная мобильность в пиратском сообществе проявлялась в трех направлениях. Во-первых, почти на каждом разбойничьем корабле любой матрос за свои навыки и заработанный авторитет мог получить более прибыльную должность: рулевого или квартирмейстера, а то и стать капитаном, примером чего можно считать Генри Эвери [1, с. 148], выбранного капитаном прямо во время плавания. Во-вторых, далеко не все разбойники

стремились как можно скорее потратить все добытые в результате плавания деньги. Для многих пиратство стало способом первоначального накопления капитала, который использовался для дальнейшего развития предпринимательской деятельности. Так Кристофер Кондент после завершения пиратской деятельности обосновался в Англии и стал торговцем [80, с. 218], а Генри Морган приобрел на добытые деньги плантацию на Ямайке [75, с. 332]. А в-третьих, немало каперов за свой вклад в развитие Англии получили почетные должности вице-адмиралов и губернаторов колоний. Ярчайшими примерами могут служить сэр Джеймс Ланкастер и сэр Фрэнсис Дрейк, получившие за свои экспедиции рыцарские звания.

В результате проведенного анализа социально-экономических, правовых и политических аспектов пиратства в XVI-XVIII вв., можно утверждать, что оно представляло собой сложную и многогранную структуру, сыгравшую значительную роль в жизни английского общества раннего Нового времени. Возникнув как стихийный ответ на внутренние кризисы Англии, пиратские и каперские команды оказались вовлечены в разрешение крупных геополитических противоречий между ведущими державами раннего Нового времени. Пиратский социум, представлявший собой социально неоднородные группы, включавшие как нищих крестьян, так и профессиональных моряков, создал особый вид социальной организации, включавшей собственные уставы, демократические формы управления и элементы социальной мобильности. Вклад пиратов и каперов в становление рынка свободной рабочей силы как на суше, так и на море, участие в реализации английской колониальной политики, активное развитие частной предпринимательской деятельности и рыночных отношений, а также в трансформацию мирового океана во взаимосвязанную военно-стратегическую, экономическую и транспортную систему позволяет говорить о морском разбое, как части глобального процесса модернизации Англии.

Глава 2. Английское пиратство в художественной литературе: между романтикой и исторической правдой

2.1 Формирование пиратского мифа в XVII-XVIII вв.: от хроники к легенде.

Пиратство, будучи частью политической и экономической реальности раннего Нового времени, постепенно трансформировалось в устойчивый культурный миф. В массовом сознании именно художественная литература, а не архивные источники и официальные документы сыграли ключевую роль в формировании образа пирата, как свободолюбивого, харизматичного и зачастую благородного героя.

Фигура пирата в художественной литературе впитала в себя черты романтизма, авантюрной традиции и социального протеста, именно это и отделило образ морского разбойника раннего Нового времени от реальных исторических прототипов.

В рамках этой главы мною будет рассмотрено формирование образа английского пирата в литературе XVII - XIX вв., а также прослежена его трансформация в произведениях современных авторов.

Формирование устойчивого литературного образа пирата началось задолго до появления канонических романов XIX века. Уже в XVII-XVIII вв. были созданы произведения, заложившие основы будущей романтической традиции. Среди них особое значение имеют «Пираты Америки» Александра Эксквемелина и «Всеобщая история грабежей и смертоубийств самых знаменитых пиратов» Чарльза Джонсона, ставшие своеобразными первоисточниками мифологии пиратства.

Книга Эксквемелина, опубликованная на нидерландском языке в 1678 году, представляет собой смесь автобиографических воспоминаний, рассказов очевидцев и слухов, собранных во время его службы у флибустьеров. Автор утверждает, что лично участвовал в экспедициях Генри Моргана и других знаменитых морских разбойников, благодаря чему его труд ценен как источник по истории карибского пиратства второй половины XVII века. Тем

не менее, даже в этом полудокументальном сочинении уже можно обнаружить элементы нарративной драматизации и морализаторства.

«Всеобщая история пиратов», впервые опубликованная в Лондоне в 1724 году под именем «капитана Чарльза Джонсона», по сути, является первым систематическим сводом жизнеописаний пиратов. До сих пор не утихают споры о подлинной личности автора: ряд исследователей приписывает книгу Даниелю Дефо, другие считают её компиляцией, созданной издателями в расчёте на коммерческий успех. Несмотря на возможную недостоверность, этот труд оказал колоссальное влияние на восприятие пиратства - именно здесь формируются ключевые черты будущего «литературного» пирата: свободолюбие, харизма, двойственная мораль.

Дальнейший разговор о формировании мифологизированного образа пирата в художественной литературе невозможен без анализа личностей, представленных в произведениях Александра Эксквемелина и Чарльза Джонсона. Это позволит не только проследить процесс формирования литературных канонов, но и выявить степень их соответствия историческим реалиям. Будут рассмотрены как фигуры морских разбойников, чье существование подтверждено достоверными источниками, так и персонажи чья историческая достоверность вызывает сомнение, но их истории сыграли не менее важную роль в формировании литературного образа пирата.

Будет логично начать с фигуры, не раз упоминающейся в данной работе и занимающей центральное место в книге Александра Эксквемелина - с Генри Моргана. Автор представляет его как излишне жестокого: «Морган собрал на берегу множество женщин, стариков и детей и сжёг их дома дотла» [31, с. 143] - и алчного: «Морган понял, что испанцы, прикидываясь бедняками, его обманывают. Он велел перенести всю добычу на берег к тому месту, где стояли корабли, и объявил испанцам, что, если завтра же они не внесут выкуп за город, он тотчас же предаст его огню» [31, с. 149] разбойника, лишь прикрывающегося статусом капера. Возможно такое восприятие Моргана вызвано личным негативным опытом автора, служившего у него в качестве

хирурга. Книга вызвала резонанс в английском обществе, даже сам капитан Морган для защиты репутации был вынужден подать в суд за клевету. Интересно, что процесс он выиграл и английское издание книги подверглось цензуре [99, с. 355].

Современные историки рассматривают Генри Моргана в первую очередь как важную политическую фигуру в контексте борьбы Англии с Испанией за господство в Вест-Индии. Так с точки зрения Д.Н. Копелева он действовал как «инструмент государственной воли», получая каперские патенты и поддержку губернаторов Ямайки [75, с. 255-260]. А жестокость и нарушения международных соглашений, отмеченные в произведении А. Эксквемелина, скорее отражают специфику каперской практики того времени, чем пиратский характер деятельности капитана Моргана. Западные исследователи подчеркивают неоднозначность статуса Генри Моргана. Так, Дэвид Кордингли пишет, что Морган «был не столько пиратом, сколько политическим инструментом английской Короны» [99, с. 140-145], а Маркус Редикер подчёркивает, что образ Моргана «был намеренно очищен после пиратской карьеры, что способствовало его героизации» [110, с. 188].

Следующий яркий образ представлен уже в книге капитана Чарльза Джонсона - «Всеобщей истории грабежей и смертоубийств, учинённых самыми знаменитыми пиратами». Автор изображает знаменитого пирата - Эдварда Тича, он же Черная Борода, как ужасающего и даже безумного человека. Центральное место в его описании занимает внешний вид и театральное поведение, а не сами акты морского разбоя. Джонсон пишет: «Во время сражения он вставлял в бороду и под шляпу фитили, которые горели и источали дым, окружавший его голову, как венец из пара, придавая ему вид inferнального духа» [23, с. 150]. Также он неоднократно подчеркивает непредсказуемость его поступков и склонность к насилию. Отдельно автор подчеркивает его любовь к террору, как инструменту власти. В образе Черной Бороды отчетливо проявляется типичный стиль Джонсона: создание запоминающегося, гиперболизированного и харизматичного портрета,

пропитанного элементами ужаса и жестокости. Выходит, что фигура Тича в книге не столько историческая, сколько художественная, завораживающая и запоминающаяся.

Специалисты по морскому пиратству подтверждают существование Эдварда Тича и его активную деятельность в начале XVIII века. Согласно Д.Н. Копелеву, Тич был одним из последних крупных разбойников «золотого века пиратства» [75, с. 415-420]. Также исследователи отмечают короткую длительность активной пиратской карьеры Черной Бороды - с конца 1716 до его гибели в ноябре 1718. Наибольшую известность он получил после захвата французского корабля *La Concorde* в 1717 году, который переименовал в *Queen Anne's Revenge* и использовал для серии дерзких нападений у побережья Америки [74, с. 75-102]. Наиболее подробную информацию об этих событиях даёт Ангус Констам в биографическом исследовании Чёрной Бороды. При этом, как отмечает Кордингги, большая часть легенд, окружающих Тича, - результат целенаправленного мифотворчества: многие черты его образа, включая фитили в бороде, могли быть придуманы Джонсоном или основаны на слухах [99]. Редикер считает, что Эдвард Тич скорее использовал имидж жестокого и безумного пирата как средство психологического давления, нежели был таким в действительности [110, с. 85-95]. Исторические источники также не подтверждают факт излишней жестокости Черной Бороды. В итоге фигура Тича - яркий пример сознательного мифотворчества, где миф оказался ярче и долговечнее действительности.

Одним из самых интересных и неоднозначных персонажей «Всеобщей истории грабежей и смертоубийств» считается капитан Уильям Кидд. Чарльз Джонсон уделяет особое внимание даже не его преступлениям, а судебному процессу, прошедшему в 1701 году. Особой акцент делается на некой двойственности капитана: «Он не желал быть пиратом, но обстоятельства и подстрекательства команды втянули его на этот путь» [23, с. 254]. Кидд в его книге постоянно балансирует на грани законности, но в итоге все равно

переходит черту дозволенного, что делает его фигуру особенно трагичной. В отличии от образа полубезумного Эдварда Тича, капитан Кидд вызывает скорее сочувствие, чем страх. А сам Чарльз Джонсон считает его скорее жертвой предательства команды и сложной политической обстановки, чем вероломным разбойником.

Исторические источники подтверждают большую часть информации из книги Чарльза Джонсона. Так Уильям Кидд, действительно, получил каперский патент от английской Короны в 1695 году [36]. Ему разрешалась охота на пиратов и французские суда в Индийском океане. Но вскоре Кидд с командой захватили корабль *Quedagh Merchant*, обладающий французским охранным свидетельством - *sea pass* - что и дало ему формальный повод взять судно, как капер, поскольку Франция тогда была противником Англии в Войне за испанское наследство 1701-1714 года. Однако позже выяснилось, что владельцами судна были не французы, а армяне, подданные, согласно разным источникам, либо Персии, либо Османской империи, а с ними Англия не находилось в состоянии войны, а следовательно захват судна был признан незаконным. И в 1701 году по решению Лондонского суда Кидд был признан виновным в пиратстве и убийствах и повешен [56]. Согласно Дмитрию Николаевичу Копелеву, Кидд «оказался жертвой политических интриг, в которых он был использован для демонстрации решимости английских властей бороться с пиратством» [75, с. 457-458]. Исследователи, включая Ангуса Констама, отмечают, что дело Кидда стало примером того, как была условна граница между пиратством и каперством в эпоху генезиса капитализма и морского империализма [73, с. 150-155].

Отчетливым примером доведения до крайностей в работе Чарльза Джонсона стал Чарльз Вейн. Он предстает перед читателем как бескомпромиссный, упрямый и крайне агрессивный бунтарь. Чарльз с пренебрежением относится ко всякому авторитету: начиная с буквы законы и заканчивая, ценностями упомянутой в первой главе «пиратской республики». Наиболее ярко это проявляется в нежелании Вейна мириться даже с

традиционными порядками, установленными на пиратских кораблях, что в итоге привело к конфликту с собственным экипажем и избранию нового капитана. При описании Чарльза Вейна Джонсон отходит от свойственной ему романтизации. Вместо привычных харизматичных пиратских лидеров перед нами предстает безумный и жестокий человек, страдающий от собственного эго [23, с. 130-140]. Автор завершает его историю полным унижением и крахом, что создает яркий контраст между романтизированными морскими разбойниками «Всеобщей истории грабежей и смертоубийств» и исключительно разрушительной, а от того обреченной на гибель силы.

Благодаря письменным отчетам губернатора Багамских островов Вудса Роджерса [41] и сохранившимся на Ямайке судебным протоколам 1721 года [35], не остается сомнений в существовании пирата по имени Чарльз Вейн. Однако большинство современных исследователей сходятся во мнении, что образ, созданный во «Всеобщей истории грабежей и смертоубийств самых знаменитых пиратов», значительно преувеличивает жестокость капитана, а также сильно подвержен моралистической трактовке. По мнению Дэвида Кордингги, Чарльз Вейн действительно отличался склонностью к насилию, однако фактические источники свидетельствуют скорее не о безумце, а об авантюристе, последовательном стороннике личной независимости даже от норм пиратского самоуправления [99, с. 160-190]. Согласно сохранившимся сведениям, можно утверждать, что он был одним из немногих капитанов, не искавших легализации и не пожелавших стать капером или торговцем, как например Генри Морган. Поэтому Вейн отказался принимать королевское помилование 1718 года, предложенное пиратам губернатором Вудсом Роджерсом [41]. Именно этот отказ, по мнению Маркуса Редикера, не только привел его к личной политической и физической гибели на виселице на Ямайке в 1721 году, но и стал неким символом завершения «Золотого века пиратства» и наступления периода репрессий [110 с. 150-155].

Если Чарльз Вейн - символ конца «Золотого века пиратства», то Бенджамин Хорниголда, которого Джонсон называет «старым капитаном,

известным своим благоразумием» [23, с. 64], можно считать одним из ключевых лиц периода его становления. В книге он предстает в образе рассудительного наставника, оказавшего заметное влияние на молодых пиратов, особенно на Эдварда Тича. В отличие от других героев книги Хорниголд не изображается как жестокий злодей или благородный борец с социальной несправедливостью, а скорее как опытный, прагматичный и осторожный лидер, стоявший у истоков пиратского братства на Багамах. Также Чарльз Джонсон делает особый акцент на принципиальном отказе героя атаковать английские суда, тем самым закрепляя образ Хорниголда, как человека, хоть и вставшего на путь пиратства, но все равно сохранившего верность своей стране. Хоть его фигура и лишена своеобразной художественной экстравагантности, он сыграл важную роль в формировании образа мудрого и лояльного Короне «патриарха» пиратского сообщества [23, с. 60-65]. Этот образ станет неотъемлемой частью почти всех историй о морских разбойниках периода романтизма.

Прокламация короля Георга I [51], переписка губернатора Вудса Роджерса [53], а также ряд других рапортов с Багамских островов, связанных с деятельностью пиратов и предоставлением им амнистии в 1718 году [14, с. 213] подтверждают реальное существование Бенджамина Хорниголда и его деятельность, как одной из центральных фигур в формировании пиратской республики Нассау. Согласно данным архива Адмиралтейства Великобритании его пиратская деятельность активизировалась около 1715 года, после завершения войны за испанское наследство [52]. В этот период он действовал в районе Вест-Индии и у берегов Северной Америки [10]. Что же касается вопроса патриотизма, то тут мнения исследователей расходятся. Так Джоэл Баер в своей работе *Pirates* пишет о Хорнигольде, как о человеке, всеми силами стремящемся сохранить лояльность британской Короне [93, с. 125-130]. В то же время более взвешенной представляется точка зрения Констама, Кордингги и Копелева: по их мнению, отказ от атак на английские корабли был скорее стратегией, чем идеологией [75 с. 500-510; 73 с. 110-155; 99 с. 160-

175]. В их интерпретации Хорниголд очередной пример того, как в исторических нарративах идеологические и национальные мотивы пиратов оказываются во многом преувеличены.

Особое место во «Всеобщей истории грабежей и смертоубийств, учинённых самыми знаменитыми пиратами» занимает Сэмюэль Беллами, также известный как «Черный Сэм». В книге Беллами предстает как благородный разбойник с мягким характером и харизмой демократического лидера. Джонсон делает акцент на его остроумии, гуманности и рассудительности: «Я не вор, - будто бы говорил Беллами, - я лишь беру то, что короли отняли у бедняков» [23, с. 60-61]. В его образе пиратство приобретает характер социального протеста, а сам он предстает почти философом - пиратом-романтиком, бросившим вызов несправедливому миру. В описании Черного Сэма нет той мрачной демонизации, что была характерна для образов Эдварда Тича или Чарльза Вейна. Напротив, фигура Беллами подчеркнута доброжелательна, его лидерство строится не на терроре, а на убеждении. Тем самым, Джонсон создает образ, представляющий собой своеобразную литературную альтернативу образу жестокого пирата: он - благородный разбойник, чья мифологизированная история оказала заметное влияние на последующие романтическое осмысление пиратства в культуре.

В отличие от романтизированного портрета, созданного Чарльзом Джонсоном, исторические сведения куда более сдержаны в оценке Сэмюэля Беллами. Его существование и пиратская карьера в начале XVIII века действительно подтверждаются источниками [13, 311-323]. Однако его деятельность была весьма короткой - с конца 1716, до весны 1717 года, когда он погиб в кораблекрушении у мыса Код [48]. Наибольшую известность Черный Сэм приобрел благодаря захвату богатого британского корабля Whydah Gally, который впоследствии стал его флагманом [60, с. 13]. Историки, включая Кордингги, Копелева и Констама, подтверждают, что благодаря опыту, полученному в торговом флоте, Беллами быстро снискал уважение команды и был выбран капитаном. Но представление о нём как о «пирате-

философе» или борце против социальной несправедливости основываются скорее на интерпретациях и литературных домыслах, нежели на надёжных исторических источниках [99, 120-150]. Тем не менее, его реальная биография стала основой мощного мифа - мифа о справедливом и благородном капитане, который оказался особенном живучим в массовом восприятии пиратства.

Завершим исследование первого этапа формирования пиратского мифа, наверное, самыми колоритными персонажами книги Чарльза Джонсона - Джеком Рэкхемом, Энн Бонни и Мэри Рид. Автор создает Джеку запоминающийся, почти театральный образ: «Он не отличался героическим телосложением, будучи довольно щуплым человеком, но обладал изрядной долей хитрости и изворотливости, что заменяло ему храбрость. Особенно запомнился он своими необычными брюками из ситца, за которые и получил прозвище Калико Джек» [23, с. 155]. В центре повествования оказываются не столько его стратегические способности и навыки морского дела, сколько эксцентричность поведения, харизма и, конечно, его романтическая связь с двумя женщинами-пиратами - Энн Бони и Мэри Рид. Хоть в книге он и предстает в роли эпизодического героя, его поведение и яркая экзотическая одежда, оказавшиеся по вкусу публике того времени, были подхвачены многими художниками-иллюстраторами книг про пиратов, которые сформировали канонический, пусть и несколько гротескный, но от того ещё более узнаваемый образ пирата [80, с. 260].

Несмотря на мифологизированный образ фигуры Рэкхема, исторические источники позволяют достаточно достоверно воссоздать ряд эпизодов его жизни. Согласно архивным материалам Британского адмиралтейства Рэкхем в 1718 году получил, объявленную королём Георгом I амнистию и вместе с Хорниголдом и рядом других пиратов сдался губернатору багамских островов Вудсу Роджерсу [60, с. 30]. Однако вскоре он вернулся к разбою, захватив у берегов Кубы шлюп под названием Revenge [57, с. 7]. Его короткая, но насыщенная карьера завершилась в 1720 году, когда, по приказу губернатора Ямайки Николаса Лоусона, он и его команда, включая Энн Бонни и Мэри Рид,

чьё реальное существование до сих пор вызывает споры историков, были взяты в плен капитаном Джонатаном Барнетом [32]. Сохранились протоколы суда, проведенного в Сент-Джагос-де-ла-Вега [57], которые подтверждают обвинения в пиратстве и казнь Рэкхема в ноябре того же года. Ведущие специалисты по-морскому пиратству, включая Копелева Редикера и Констама, оценивают его роль в реальной истории скорее как второстепенную. Они отмечают, что его известность в первую очередь связана именно с ярким образом, а не успешным морским промыслом. Тем не менее, благодаря художественным образам и устойчивой ассоциации с «Весёлым Роджером», Рэкхем стал одной из ключевых фигур в массовом восприятии «золотого века пиратства».

Пред тем как перейти к разговору об Энн Бонни и Мэри Рид, попытаемся разобраться, как вообще «Веселый Роджер» превратился в визуальный код пиратства. Как правило собирательный образ пиратского флага представляется так: черное полотнище с белым черепом и либо костями, либо саблями, либо копьями, вариаций было множество. Рэкхему приписывают самую узнаваемую вариацию: белый череп над двумя скрещенными саблями. Но с доказательной базой у этого факта все довольно туманно. Так в архивах Адмиралтейства действительно имеются сведения, что Рэкхем поднимал черный флаг [60, с. 30], однако его точный дизайн в официальных документах не зафиксирован. У Чарльза Джонсона черный флаг не упоминается вовсе. Поэтому современные исследователи, в том числе Маркус Редикер считают, что приписывание пиратам конкретных флагов пришло из более поздней иллюстрационной традиции XIX века [110, с. 23-25]. Д.Н. Копелев, в свою очередь, пишет о черном флаге, как инструменте деморализации экипажа корабля, который планировали взять на абордаж [75, с. 103-107]. А возникновение символического контекста вокруг Веселого Роджера он также относит к XVIII веку.

Образы спутниц Рэкхема - Энн Бонни и Мэри Рид в книге Чарльза Джонсона, в первую очередь, предстают как полная противоположность

типичным представлениям о женщинах XVIII века. Их фигуры имеют ярко выраженную эмоциональную окраску: автор не раз подчеркивает их мужественность, силу духа, а главное презрение к привычной роли женщины в английском обществе. Обе героини носят мужскую одежду, сражаются наравне с мужчинами, и даже их товарищи по команде до последнего не догадываются, что на одном корабле с ними находятся женщины. Особенно наглядно это проявляется в сцене, когда Джонатан Барнет атаковал шлюп Рэкхема и почти вся команда сдалась без боя: «Только две женщины дрались на палубе до последнего, в то время как мужчины уже спустились вниз и сдались» [23, с. 157]. В своей привычной манере Джонсон создает интересный контраст между непреклонностью Бонни и Рид и нерешительностью их капитана: «Если бы ты сражался, как мужчина, тебя бы не повесили, как собаку» [23, с. 165]. В результате чего Энн и Мэри предстают буквально мифологическими героинями, которые не только смогли выжить в жестоком, казалось бы, сугубо мужском мире, но и выглядеть намного более уверенно, чем многие другие члены команды.

Несмотря на столь яркое художественное воплощение, Энн Бонни и Мэри Рид остаются одними из самых спорных лиц в истории пиратства. Их возможное существенное можно подтвердить лишь протоколами судебного процесса над командой Рэкхема в Сент-Джагос-де-ла-Вега. Из этих документов известно, что действительно были арестованы две девушки, признавшие участие в пиратской деятельности и добившиеся отсрочки приговора по причине беременности [57]. Тем не менее за пределами этих кратких записей не существует достоверной информации об их прошлом и судьбе после суда. Все это порождает многочисленные споры среди историков о степени правдивости их истории. Некоторые исследователи, включая Маркуса Редикера, предполагают, что Джонсон мог намеренно преувеличить или художественно доработать их образы, чтобы превратить историю реальных людей в символ женской непокорности [110, с. 219-220]. Наиболее конструктивными, мне кажутся, замечания Дмитрия Копелева, что

мифологизация этих персонажей происходила уже в конце XVIII - начале XIX вв., именно они стали частью мировоззрения периода романтизма, а их история - частью более широкой идеи о «пиратах с человеческим лицом» [75, с. 131-140]. Энн Бонни и Мэри Рид выступают не только участницами конкретного пиратского эпизода, но ключевыми элементами культурного мифа, в котором женская независимость и сила становятся частью пиратского пантеона.

Таким образом, анализ произведений Александра Эксквемелина и Чарльза Джонсона, позволяет проследить первый этап становления литературного образа пирата. Сопоставление этих текстов и сохранившихся исторических источников позволяет говорить о том, что на данном этапе мифотворчество носит скорее ненамеренный характер и всё ещё тесно переплетено с мемуаристикой, публицистикой и даже политическими высказываниями. Однако уже в этих сочинениях пираты - не просто хаотичные преступники, а сложные личности, обладающие индивидуальностью, четкой логикой поступков, а порой - харизмой и даже благородством. Образы Генри Моргана, Эдварда Тича, Сэмюэля Беллами, Уильяма Кидда, Джека Рэкхема, Энн Бонни и Мэри Рид сформировали устойчивые архетипы, оказавшие влияние на литературу и массовое восприятие пиратства. Хотя и степень соответствия этих образов варьируется от относительно достоверных, как в случае с Рэкхемом и Киддом, до излишне гротескных Черного Бороды или Чарльза Вейна, их художественная ценность неоспорима.

Следующий этап работы будет посвящен тому, как созданный в конце XVII - начале XVIII вв. «пиратский» миф получил свое развитие в рамках романтизма и авантюрной традиции охвативших литературу конца XVIII - начала XX вв..

2.2 Романтический пират как герой эпохи: образ в литературе XIX века

В конце XVIII века пиратская тематика постепенно начинает выходить за рамки мемуаров и публицистики и начинает активно формироваться в пространстве художественной литературы. На фоне расцвета романтизма и зарождения жанра приключенческого романа происходит переосмысление образа морского разбойника. Из, хоть и несколько романтизированного, но все же нарушителя закона, он превращается в символ свободы, бунта и внутреннего конфликта. Писатели XIX века полностью отказываются от претензий на документальную точность в пользу создания красочных, харизматичных героев с трагическим прошлым, благородных мстителей или разочарованных в мире изгнанников. Именно в этот период окончательно складываются устойчивые литературные клише и мифы, определившие восприятие пиратства на десятилетия вперед.

Во второй половине XVIII - начале XIX вв. в европейской литературе происходит важный сдвиг: от документального и полудокументального описания действительности к её художественному осмыслению. Если сочинения Александра Эксквемелина и Чарльза Джонсона в основном старались зафиксировать реальные или предполагаемые события, хоть и с элементами вымысла и драматизация, то писатели романтизма вводят тему пиратства в пространство символизма, аллегорий и литературных архетипов. Эта тема интересно раскрывается в работах американского филолога Роберта Лангбаума, он отмечает, что романтическая традиция превращает пирата в выразителя глубинных конфликтов эпохи: противоречия между законом и свободой, собственным мировоззрением и общественным мнением [78, с. 104-120]. В этот период пират становится героем человеческой драмы, часто трагичной, но обладающей своеобразной притягательностью. В этих изменениях отражается общее стремление культуры того времени к субъективному, к изучению внутреннего мира и противопоставлению личности внешней социальной среде.

Развивая идеи романтизма, в литературе формируется жанр приключенческого романа, в одной из главных тем которого становится пиратство. На рубеже XVIII - XIX вв. усиливается интерес общества к темам путешествий, рискованных предприятий, побегов и поиска сокровищ - и именно пират, находясь вне социальных норм, становится идеальным героем для таких сюжетов. Литературовед Джозеф Кестнер в своем исследовании английской литературы XIX века: «The adventure Hero and the Empire British Fiction» отмечает, что авантюрная проза унаследовала от романтизма тягу к одиночке, вступившем в борьбу с системой, но поместила его в ещё более динамичный и насыщенный событиями мир [103, с. 285-288].

Начать исследование литературы XIX уместнее всего с произведения одного из основоположников исторического романа - сэра Вальтера Скотта. Его работы оказали огромное влияние на развитие направления романтизма, приключенческой и национальной прозы. Творчество Вальтера Скотта очень умело связывало черты романтизма и историко-приключенческое повествование. Писатель не только задал тенденцию на использование в литературе национальных и фольклорных мотивов, но и сформировал героя, действующего на фоне масштабных исторических перемен. Именно эту модель повествования впоследствии будут развивать многие писатели, включая Роберта Льюиса Стивенсона и Рафаэля Сабатини.

Особенно интересно, что в отличие от других поздних романтиков, Вальтер Скотт был профессиональным историком-архивистом, поэтому в своих сюжетах он не раз отображал реальные исторические факты и реальных исторических деятелей, что позволяло читателю глубоко погрузиться в описываемые события. Этот подход к изображению прошлого в художественной форме оказал влияние и на литературное воплощение образа благородного морского разбойника. Именно поэтому, на мой взгляд, важно рассмотреть роман «Пират» 1822 года, в котором реальные исторические обстоятельства служат фоном для обращения к темам фатализма, искупления и одиночества.

Роман «Пират» был опубликован в период, когда Скотт уже обладал репутацией одного из талантливейших писателей своего времени. К тому моменту он создал целую серию исторических романов - «Вейверлийские хроники», охватывающих различные исторические эпохи и регионы Британских островов. «Пират», ставший логическим продолжением этого цикла, выделялся своей морской тематикой. Местом действия романа стали Шетландские и Оркнейские острова, куда Вальтер Скотт совершил путешествие в 1814 году. Именно под впечатлением от этой поездки и был написан роман: на островах Скотт изучал местные предания, истории морского промысла и особенности культуры удаленных островных сообществ.

Как и в других произведениях автор стремился не только интересно изложить романтический сюжет, но старался воссоздать как можно более подлинные исторические реалии, на фоне которых протекает история. Действие романа происходит в XVII веке, когда пиратство и каперство ещё оставались частью морской политики Великобритании. Не зря именно обилие исторических и этнографических деталей были отмечены современниками, как самые сильные стороны романа.

Особенно интересно рассматривать роман в контексте культурной модернизации Англии. Так Вальтер Скотт одним из первых начал использовать художественную литературу, как агента национальной консолидации. Он обращается к английской периферии - Шотландии, Оркнейским островам, Шетланду - как к части общего культурного пространства. В романе Скотт использует местные легенды, фольклор и диалектизмы как живые элементы культурной памяти, в его произведении локальное и архаичное становятся частью единого нарратива. Все это четко коррелируется с проектом интеграции исторической традиции в формирующуюся британскую национальную идентичность. Так литературовед Линда Колли в своей работе «Britons: Forging the Nation 1707-1837» подчеркивает, что именно литература, в особенности историческая,

стала главным инструментом формирования национального сознания во время ранней модернизации Англии [97, с. 412-415].

Скотт изображает пиратов, как персонажей на границе между старым и новым временем, между патриархальными Шетландскими островами и рациональным модернизирующимся обществом в лице Мордонта Мертона и капитана Кливленда [85]. В свою очередь, это четко перекликается с идеей модернизации как конфликта между традицией и прогрессом, где художественная реконструкция прошлого становится способом осмысления настоящего.

Прототипом одного из центральных героев романа - капитана Кливленда считается существовавший в реальности пират Джон Гоу, шотландец, родившийся около 1698 года. В 1724 году он принял участие в мятеже на торговом корабле George Galley, убил капитана и взял на себя командование судном [58]. В течении нескольких месяцев он занимался разбоем у берегов Испании и Северной Африки, после чего попытался вернуться на Оркнейские острова под видом купца. Однако его быстро узнали, арестовали и повесили в Лондоне в 1725 году [50, С. 94-96]. В Ньюгейтском справочнике сохранилось яркое описание его казни: даже когда Джона Гоу повесили, он все никак не умирал, поэтому его товарищи начали тянуть его за ноги, чтобы облегчить страдания. Однако и это не помогло, так как веревка не выдержала и порвалась. И только на второе повешение он умер [1, с. 48].

Считается, что при написании романа Скотт ориентировался на воплощение Джона Гоу у Чарльза Джонсона, однако он значительно смягчил реальную биографию пирата. Кливленд у Вальтера Скотта — это трагический герой, разрывающийся между пиратским прошлым и возможностью начать новую жизнь, тогда как реальный Гоу - расчетливый и безжалостный преступник. Такое «очеловечение» стало частью нового литературного мифа, в рамках которого романтическая традиция преобразовала образ пирата в благородного изгнанника - человека, не принятого обществом, но не утратившего внутреннего достоинства.

В этом романе пират отличается не только от своего реального прототипа, но и от образов из произведений Эксквемелина или Джонсона: он не просто безумный разбойник, благородный бунтарь или патриот своей страны, а многогранный герой, ведомый чувством долга, а его преступное прошлое становится тяжким бременем, которое Кливленд старается преодолеть.

Несмотря на привлекательность образа капитана Кливленда, стремление пиратов к искуплению в действительности почти не встречалось. Это довольно четко прослеживается в работах ведущих исследователей морского разбоя. Так, по мнению Маркуса Редикера, в реальной пиратской среде раннего Нового времени не было места для индивидуального морального выбора, разбойники скорее были озабочены вопросами выживания и накопления капитала [110]. Они были прагматиками, ведомыми скорее экономическими и социальными обстоятельствами, чем внутренними конфликтами. Дэвид Кординггли пишет, что задокументированные случаи раскаяния пиратов относятся лишь к моментам казни, из чего можно сделать вывод, что это была не более чем попытка смягчить приговор [99, с. 118]. И кроме того, архивы Адмиралтейства, практически не содержат свидетельств о попытках пиратов добровольно отречься от прежней жизни [52]. Дмитрий Николаевич Копелев в своем глубоком исследовании роли пиратства политической и экономической жизни XVI - XVIII вв. также не упоминает внутренние конфликты и стремление к искуплению, как что-то свойственное пиратам той эпохи [75].

После прочтения романа, становится отчетливо видно, как образ благородного пирата, популяризированный Скоттом, ещё дальше отделился от исторической действительности.

Далее рассмотрим роман, благодаря которому окончательно оформился канонический образ «романтического пирата»: харизматичный антигерой с картой сокровищ, закопанных на тайном острове. Роберт Льюис Стивенсон - шотландский писатель, поэт и эссеист, вошедший в историю литературы, как

один из мастеров приключенческого романа. Несмотря на слабое здоровье он много путешествовал, в том числе по Южным морям. Стивенсон не был профессионально связан с морем, но в детстве сильно им увлекался, читал отчеты морских экспедиций, истории о путешествиях и пиратах. Все это и определило морскую тематику как одну из ведущих в его творчестве. История написания «Острова сокровищ» достаточно примечательна: Стивенсон нарисовал карту вымышленного острова для своего пасынка, и именно с шуточной этой карты началась работа над романом. Изначально «Остров сокровищ» публиковался по частям в журнале «Young Folks». Книга моментально стала популярной, став классикой приключенческой литературы.

Центральное место в романе занимает поиск спрятанного пиратского клада - сокровищ, оставленных на тайном острове десятилетия назад. Именно эта сюжетная линия, связанная с поиском красного креста на старой карте, конкуренцией разных команд и моральным выбором, вставшим между героями в процессе погони за богатством, стала квинтэссенцией пиратской романтики. Конечно, истории о поиске пиратских сокровищ встречались и ранее, например Чарльз Джонсон пишет, что Уильям Кидд закопал часть награбленного, чтобы вернуться к нему позже [23, с. 200-210]. Также в газетах и памфлетах XVIII века встречаются спекулятивные рассказы о таинственных пиратах, которые якобы прятали золото на необитаемых островах [54]. Но все эти упоминания носят скорее эпизодический характер и только Стивенсон предал этому мотиву форму и художественную завершенность, что позволило закрепить его в литературе и массовой культуре.

Среди исторических источников, впрочем, практически нет фактов, подтверждающих массовое захоронение пиратами своей добычи. Согласно работам Дэвида Кордингли, идея о том, что пираты зарывали золото в землю и составляли какие-то карты - «наиболее живучий миф, не имеющий исторических оснований» [99, с. 240-245]. Пираты, как правило, стремились разделить добычу сразу, на собраниях, так как при таком рискованном

промысле нет никакой уверенности в завтрашнем дне. Стоит также отметить, что глобально поиск сокровищ у Стивенсона стал символом не столько жадности и жажды наживы, сколько тяги к приключениям свободе и загадке.

Идею поиска спрятанных сокровищ также можно рассмотреть в контексте отражения в культуре процесса генезиса капитализма и модернизации в Англии. Как известно, сокровища капитана Флинта - центральная мотивация героев. Эти сокровища можно воспринимать как яркую метафору на богатство, обособленное от личного труда и производственной деятельности, к которому стремиться общество того времени. Также сокровища становятся образом фетишизации капитала, так как золото для некоторых персонажей становится одновременно символом власти, целью и смыслом. Подобное восприятие как раз таки характерно для раннего капитализма [90], в эпоху которого пишет Стивенсон. Копелев прямо указывает на факт представления спрятанных сокровищ как первичного накопления капитала: «вместо фабрик - абордаж, вместо сделок - штурм, но в основе - всё то же стремление к прибыли, только очищенное от морали» [75, с. 605-605].

Завершим работу с романом Стивенсона с характеристики одного из самых харизматичных и противоречивых героев - Джона Сильвер. Этот пират в равной степени впитал в себя черты обаятельного вожака, коварного преступника и сурового наставника [87]. Именно Сильвер завершил формирования архетипа «романтического героя» в пиратской традиции. Его хитрость сочетается с мудростью, физическое увечье - с внутренним стержнем, а почти фанатичная преданность делу - с умением вовремя уйти в тень. Несмотря на то, что его образ одновременно напоминает Эдварда Тича, Сэмюэля Беллами и Бенджамина Хорниголда, никого из них он копирует полностью. Джон Сильвер демонстрирует способности к милосердию и даже некоторой сентиментальности: «Ты мне всегда был по сердцу, потому что у тебя голова на плечах. Глядя на тебя, я вспоминаю то время, когда я был такой же молодой и красивый. Я всегда хотел, чтобы ты присоединился к нам,

получил свою долю сокровищ и умер в роскоши, богатым джентльменом. И вот, сынок, ты пришел наконец.» [87, с. 169], что, как уже неоднократно было сказано выше, согласно историческим источникам, почти не было характерно для поведения его реальных «коллег» по промыслу. Однако именно Сильвер стал не очередным персонажем пиратской саги - он стал каноном, и его художественный образ в гораздо большей степени, чем биография реальных Вейна или Кидда, определил восприятие пирата в массовой культуре.

Последним знаковым романом, анализ которого будет представлен в этом параграфе станет «Одиссея капитана Блада» Рафаэля Сабатини. Сабатини - англо-итальянский писатель, ставший одним из наиболее ярких представителей приключенческой литературы начала XX века. Он свободно владел несколькими европейскими языками и, как и предыдущие авторы, увлекался историей, что нашло отражение в его творчестве. Отличие романа Сабатини заключается в том, что автор делает серьезный акцент на политической драме, вспыхнувшей вокруг главного героя [84]. Однако идея внутреннего конфликта и духа авантюризма также получают свое дальнейшее развитие. В этом смысле «Одиссея капитана Блада» не только продолжает, но и углубляет традицию, заданную Скоттом и Стивенсоном.

Главный миф, культивируемый «Одиссеей капитана Блада», закрепляет образ благородного пирата поневоле. Капитан Питер Блад оказывается вынужден встать на путь разбоя, но старается сохранить высокие моральные качества. Он изображается не как преступник и головорез, а как своеобразный морской рыцарь, оказавшийся в вынужденном изгнании. Он неоднократно проявляет благородство и снисхождение: отпустил адмирала Мигеля де Эспиноса, не стал казнить полковника Бишопа [84]. В этом образе очевидно влияние литературной традиции приключенческого романа и идеалов джентельменской морали, адаптированных к пиратским реалиям.

В действительности в исторических источниках сохранились сведения о непреднамеренном вовлечении в пиратский промысел. Так, согласно записям суда над командой Чарльза Вейна, часть экипажа утверждала, что их

захватили в плен и насильно заставляли служить на пиратском корабле [32]. Аналогичные истории встречаются, например, в судебных протоколах по делу выжившей после кораблекрушения части экипажа Эдварда Лоу [15, с. 237-238]. Историк Джоэл Баэр упоминает случаи, когда пираты заманивали моряков на свои суда под видом обычной работы, однако такие моряки зачастую становились обычными пиратами и вспоминали о том, как попали в команду только на суде [93, с. 154-156]. Также после мятежа Монмута 1685 года, давшего начало сюжету романа, или после шотландских якобитских восстаний часть пленных была продана в Вест-Индию, и действительно известны случаи, когда они впоследствии становились пиратами. Однако, хоть мотив «вынужденного пиратства» и имеет реальную историческую основу, это никогда не было сильно распространенным явлением. В литературе же этот мотив превратился в героическую легенду, остающуюся актуальной и в наши дни.

Во второй половине романа Сабатини, после периода активного морского разбоя, главный герой поступает на службу французской Короне, а затем помогает английскому губернатору Вест-Индии, выступая тем самым в роли защитника английских интересов. Эта сюжетная линия - отличный пример художественного отражения практики легитимизации пиратов, которую многие историки, включая Д.Н. Копелева рассматривают как характерную для раннего Нового времени. Каперы и бывшие пираты нередко принимали участие в официальной политике, особенно в периоды обострения англо-испанских и англо-французских отношений [75]. Копелев в своей работе: «Золотая эпоха морского разбоя: Пираты, флибустьеры, корсары» об этом пишет так: «Пиратство выступало не только формой насилия, но и важным каналом перераспределения ресурсов между экономическими и политическими центрами, особенно в условиях отсутствия чётких международных норм и устойчивых морских границ» [75, с. 442-443].

С этой точки зрения путь Питера Блада - от узника до легитимного государственного агента - отражает более широкий процесс интеграции

маргинальных форм насилия в рамки государственной системы, что характерно для английской модели модернизации в раннее Новое время. Англия, оформляющаяся в то время, как колониальная империя, ещё не обладала четкими бюрократическими структурами и сильным флотом, а потому часто опиралась на гибкие, иногда полулегальные услуги пиратов и каперов.

Именно в XIX-XX вв. происходит окончательное становление образа пирата, как литературного архетипа, который объединяет в себе черты бунтаря, романтического одиночки и благородного изгнанника. На смену полудокументальной традиции Александра Эксквемелина и Чарльза Джонсона приходит художественное осмысление пиратства, как личностной драмы, символа свободы и внутреннего конфликта. В центре этого процесса оказываются произведения Вальтера Скотта, Льюиса Стивенсона и Рафаэля Сабатини, где каждый из них вносит свой вклад в мифологизацию образа пирата, будь то раскаявшийся преступник, искатель сокровищ или разбойник поневоле.

Образы Кливленда, Сильвера и Блада — это не просто художественные вымысла, а попытка отразить глубокие социокультурные преобразования, в том числе модернизацию и переосмысление национальной идентичности. Через призму их судеб мы видим, как пират превращается в разностороннюю и глубокую личность, а пиратская тематика - в сферу героического и идеализированного.

При этом благодаря историческим источникам и работам многих исследователей, таких как Копелев, Редикер и Кордингли, у нас есть возможность критически осмыслить эти образы. Понять, насколько далеко литература ушла от реалий раннего Нового времени. Тем не менее, можно утверждать, что именно в этом отходе от реальности и кроется сила литературного мифа: он не стремится воспроизвести исторические факты, а скорее раскрывает культурные и идеологические установки своего времени.

2.3 Деконструкция мифа: пиратство в современной исторической прозе

Предыдущие два параграфа этой главы были посвящены тому, как на протяжении XVII - XX вв. происходила активная мифологизация образа английского пирата. Литература того времени, впитав идеи романтизма и авантюрной традиции, создавала фигуру харизматичного морского разбойника, благородного бунтаря, символа свободы и авантюризма. Однако со второй половины XX века тенденции в художественной литературе значительно изменились. Современная литература стремится предложить более реалистичное и исторически выверенное изображение пиратства. Образ морского разбойника постепенно перестает восприниматься как чисто романтический символ, а рассматривается через призму социальной, экономической и политической проблематики. Поэтому данный параграф будет посвящен как причинам такого сдвига в литературе, так и конкретным его проявлениям в прозе последних десятилетий.

Американский писатель Андрей Кодреску, на мой взгляд, наиболее чётко определил проблему, с которой столкнулись современные писатели в вопросе мифологизации морских разбойников: «Мы бесконечно превращаем убийц в романтических персонажей» [96, с. 17] - от Сэмюэля Беллами у Джонсона, до Джона Сильвера у Стивенсона. В результате чего истории о пиратах приобрели черты героической сказки, что и формировало романтизированное восприятие пиратства.

Современная историческая проза представляет собой жанр, сочетающий научную достоверность с литературной выразительностью. При этом проза не остается в рамках хроники, поднимается тема социальной структуры общества: уделяется внимание пиратскому быту, экономическим мотивам пиратского промысла. Например, исследователи литературы отмечают, что золото или другая пиратская добыча часто становится символом более широких экономических отношений, а не просто элементом приключения [97, с. 347-350].

Сегодня пираты предстают перед читателем не просто как однозначные злодеи или герои, что свидетельствует об отказе современных писателей от традиционных черно-белых трактовок. В то же время историческая проза остается литературным жанром, она рассказывает истории, через человеческие судьбы. В контексте пиратства это означает фокус на социальной жизни пиратских команд, проблемах рабства, экономики и власти. Как следствие современные произведения о пиратстве, с одной стороны сохраняют привычные истории о морских приключениях, а с другой переосмысливают традиционные мифы и ставят акцент на отражении в своих историях реальных исторических противоречий эпохи.

Такой подход к переосмыслению пиратской тематики можно увидеть в романе Майкла Крайтона «Пиратские широты», опубликованном посмертно в 2009 году. В отличие от романтизированного представления пирата в литературе XIX века, капитан Чарльз Хантер - центральный персонаж романа - представляет собой прагматичного и расчетливого капера, стремящегося исключительно к личной выгоде.

Автор отказывается от типичных литературных клише вроде поиска сокровищ, карт с крестами или борьбы с системой в пользу реалистичного изображения Вест-Индии XVII века. Он пишет о колониальных интересах империй, коррупции, строгой иерархии и насилии, как о повседневной норме того времени [77].

В одном из последних интервью, автор признавался, что в своем повествовании опирался на материалы Адмиралтейства и дневники губернаторов Ямайки, чтобы создать мир, в котором пираты действуют скорее как инструменты геополитики XVII века, чем как свободные искатели приключений. Благодаря достаточно подробным описаниям рейдов и логистики, акценту на политической интриге и реальной цене успеха пиратского промысла, у Крайтона получился отличный пример деконструкции классического пиратского мифа. Романтизм уступил место

историческому реализму, а пиратский миф оказался встроен в контекст проблемы глобального империализма.

Разговор об отражении пиратства в литературе второй половины XX-XXI вв. невозможен без оценки влияния постмодернизма, как одного из ключевых факторов нового взгляда на проблему. Эта литературная парадигма, зародившаяся во второй половине XX века, характеризуется скептическим отношением к метанарративам - доминирующим представлениям о прошлом, активным переосмыслением жанровых штампов и ироническим дистанцированием от романтической героики [107]. Ранее цельный образ пирата, оказывается разделен на части: авторы используют канонические элементы, такие как веселый Роджер или карта сокровищ, но осознанно подвергают их литературной иронии. Такое ироническое повествование сближает истории о пиратах с постмодернистскими произведениями других жанров, где деконструкция мифа идет рука об руку с его осмысленной реконструкцией.

Роман Джина Вулфа «Пират», изданный в 2007 году, представляет собой яркий пример постмодернистского подхода к пиратскому мифу. В отличие от произведений, стремящихся к историческому реализму, Вулф осознанно использует жанровую эклектику, так в его романе соединяются элементы исторической прозы, магического реализма, автобиографического нарратива, а также религиозной и философской рефлексии.

Главный герой - священник, внезапно оказавшийся в прошлом и вынужденно ставший пиратом в Карибском бассейне - служит символом двойственности постмодернистского героя, одновременно занятого саморефлексией и действующего в чуждой для себя, полной хаоса и насилия эпохе. Повествование построено как не самый точный рассказ от первого лица, поэтому читатель вынужден постоянно сомневаться в достоверности происходящих событий, которые не только подаются с субъективной точки зрения, но и временами оказываются искажены и противоречат друг-другу.

Это типичное для постмодернизма решение подрывает саму идею устойчивой исторической истины.

В романе сохраняются многие привычные для историй о пиратах черты, например морские сражения, абордажи, испанские галеоны, полные золота и так далее. Однако Вулф подвергает их осмыслению и деконструкции. Образы Пиратов лишены какого-либо романтического ореола, это не благородные разбойники, а в основном жестокие, запутавшиеся в моральных и экзистенциальных конфликтах люди [68]. Это ярко прослеживается в размышлениях главного героя о мотивах пиратов: «Деньги — это просто другое слово для свободы. Если у тебя есть деньги, ты можешь делать практически всё, что захочешь. Если не веришь мне, посмотри на тех, у кого они есть. У пиратов это не совсем так, но близко. И именно поэтому они этим занимаются» [68, с. 65]. Этой цитатой Вульф ещё раз подчеркивает, что люди присоединялись к пиратскому промыслу не ради романтических приключений или какой-то «высшей цели», а скорее ради свободы и независимости через обретение богатства, пусть и добытое путем разбоя.

Мифология «золотого века пиратства» в этом произведении разобрана и собрана заново, с иронией, подчеркнутыми сомнениями и вниманием к внутреннему миру героев. Обобщив все вышесказанное, можно прийти к выводу, что роман Джина Вулфа «Пират» — это не просто приключенческий роман о пиратах, а литературное размышление о границах свободы, личной идентичности и самой природе исторического нарратива. В отличие от реалистических произведений о морских разбойниках, Вулф не столько развенчивает миф, сколько делает акцент на его условности, используя инструменты постмодернизма для критического переосмысления жанра.

При анализе романов Крайтон и Вулфа упоминалась работа авторов с историческими источниками, а потому считаю необходимым более подробно разобрать связь историографии и прозы в современной литературной традиции. В первую очередь, активное привлечение исторических источников можно объяснить достаточно банально - в современном мире научная

литература стала намного доступнее. Во-вторых, литературная парадигма сдвинулась в сторону реализма и постмодернизма, и в обоих случаях необходима грамотная работа с историческим контекстом. Если для реализма это необходимо, чтобы как можно более достоверно воссоздать конкретную историческую эпоху, то авторы, работающие в рамках постмодернизма, должны хорошо углубиться в исторические реалии для их переосмысления или пародирования. Об этом говорит и Дмитрий Николаевич Копелев: «Историческая проза - невозможна без осознанного отношения к проблеме источника» [75, с. 4].

Ввиду чего можно говорить о формировании своеобразного диалога между художественной и научной литературой. Историография становится не только источником информации, но также и художественным ресурсом, полем для реконструкции и художественной полемики.

В рамках данной главы удалось проследить долгий путь формирования и трансформации пиратского мифа в литературе: от его первых полудокументальных и публицистических воплощений в XVII - XVIII вв., до современных интерпретаций. Так уже в произведениях Эксквемелина и Джонсона, через художественные образы Генри Моргана, Чарльза Вейна, Энн Бонни и многих других, формируются первые устойчивые архетипы, получившие развитие в более поздней романтической традиции. Для таких писатели как Вальтер Скотт, Льюис Стивенсон и Рафаэль Сабатини образ пирата становится проводником идеалов эпохи, отражением социальных конфликтов конца XVII - XVIII вв. и политической реальности того времени. Однако под влиянием доминирующих тенденций литературы второй половине XX - XXI вв. пират из харизматичного героя и авантюриста превращается в сложную амбивалентную фигуру, объединяющую в себе как личную драму, так и сложные исторические реалии. Данное исследование не только позволяет изучить отражение в художественной литературе роли пиратства в политических, социальных и культурных преобразованиях раннего Нового

времени, но и дает возможность глубже разобраться в том, как рождаются и развиваются культурные архетипы

Глава 3. Методологический аспект изучения темы квалификационной работы в общеобразовательной школе

3.1 Отражение темы в школьной программе

Историческое образование играет важную роль в формировании у обучающихся целостного восприятия мира и способствует их приобщению к национальным и общемировым культурно-историческим традициям. В соответствии с положениями Федерального государственного образовательного стандарта, изучение истории необходимо для формирования гражданской позиции человека и его умения действовать в современном обществе, опираясь на исторический опыт [4]. На уроках истории закладываются основы для осмысления политических, социальных и культурных процессов, формируются навыки аргументированного анализа, критического мышления и самостоятельного построения выводов, а также возникает понимание собственной роли в истории.

Одним из важнейших условий повышения эффективности исторического образования в школе является активное вовлечение учащихся в познавательно-аналитическую деятельность. Для этого преподавателю необходимо использовать разнообразные методы, приемы, формы и средства обучения, направленные на развитие исследовательских навыков и формирование устойчивого интереса к предмету. Практика показывает, что наиболее интересными для школьников оказываются темы, сочетающие яркость событийного материала с возможностями глубокого анализа социальных и политических процессов эпохи.

С учетом постоянно обновляющихся требований к содержанию и структуре исторического образования, особое значение приобретает Федеральная рабочая программа основного общего образования по предмету «История». Программа регламентирует принципы, цели и содержание преподавания истории в средней школе. В ней отражен современный подход к отбору учебного материала, стремление расширить спектр изучаемых тем и актуализировать информацию, способствующую формированию у

школьников целостного представления о ходе мирового исторического процесса. Особое внимание в программе уделяется вопросам, ранее не получавшим должного освещения в школьном курсе истории [5].

В Федеральной рабочей программе уделяется значительно больше внимания к проблемам, связанным с ранними этапами становления капиталистических отношений, процессами модернизации, а также колониальной политикой ведущих европейских держав [5]. Для более полного и системного рассмотрения этих проблем в 7 классе было увеличено количество часов на изучения тем, с ними соприкасающихся. Особенно актуальным является углубленный анализ изменений в европейских обществах в эпоху раннего Нового времени. Это, в том числе, создает возможность использовать материалы исследования пиратства и каперства при рассмотрении глобальных политических и социально-экономических процессов того времени.

Благодаря разнообразию ярких биографических сюжетов и связи с глобальными процессами раннего Нового времени, рассмотрение пиратства и каперства как специфического исторического феномена, может способствовать формированию устойчивого интереса к изучению истории у школьников. Согласно Федеральной рабочей программе основного общего образования по предмету «История», в рамках курса истории за 7 класс рассмотрение данного феномена может быть интегрировано в изучение таких тем как: «Великие географические открытия», «Изменения в европейском обществе XVI-XVII вв.», «Англия в XVI-XVII вв.», «Международные отношения в XVI-XVII вв.» [5]. Также стоит отметить, что включение материалов о пиратстве и каперстве в образовательный процесс способствует не только повышению познавательной активности, но и формированию межпредметных связей и навыков критического анализа.

Согласно требованиям Федерального государственного образовательного стандарта, уроки истории должны быть направлены не только на получение школьником системных знаний о ключевых событиях

прошлого, то есть на предметные результаты, но и обеспечивать достижение метапредметных и личностных результатов [4]. Метапредметные результаты включают развитие универсальных учебных действий: умение работать с информацией, формулировать собственное мнение, анализировать различные точки зрения, а также использовать исторические знания в дальнейшей жизни. Личностные результаты предполагают формирование у школьников гражданской позиции, уважения к культурному и историческому наследию, а также устойчивых моральных установок. Включение в учебный процесс материалов по теме пиратства и каперства способствует достижению всех этих результатов, так как побуждает учеников, как к осмыслению исторического материала, так и к рефлексии над социальными, правовыми и культурными вопросами, значимыми как для прошлого, так и для настоящего.

Для наиболее эффективного достижения предметных, метапредметных и личностных результатов необходимо использование разнообразных форм работы на уроке. Например, индивидуальные, парные и групповые задания, направленные на анализ источников, выполнение мини-проектов и разрешение проблемных ситуаций. Важную роль также играет и использование учебной и дополнительной литературы, включая исторические источники, художественные произведения и научно-популярные тексты. Такие задания способствуют глубокому усвоению фактического материала, развитию исследовательских и коммуникативных навыков, формированию умения критически осмысливать события прошлого, позволяют школьникам проявить инициативу и по-новому взглянуть на процессы, лежащие в основе становления современного мира.

Несмотря на разнообразие учебных материалов, основным источником информации для школьников по-прежнему остается учебник. В соответствии с современными образовательными стандартами, учебник должен выполнять несколько функций: информационную - обеспечивать изложение базового материала; развивающую - способствовать формированию аналитического мышления; воспитательную - способствовать формированию системы

ценностей, моральных норм и правил поведения, а также приобщению к историко-культурного наследию и методическую - направлять деятельность учителя и ученика [4]. Для полноценной реализации этих функций современный учебник должен обладать широким методическим аппаратом, включающим карты, схемы, вопросы, задания, фрагменты источников, а также возможности для проектной и исследовательской деятельности. Другими словами, важно, чтобы учебники не только транслировали информацию, но и побуждали школьника к осознанной самостоятельной работе с историческим материалом.

В соответствии с действующим перечнем, утвержденным Министерством просвещения Российской Федерации, на данный момент для преподавания истории в общеобразовательных школах одобрен только учебник под редакцией В.Р. Мединского и А.О. Чубарьяна [4]. В рамках данного учебно-методического комплекса осуществляется преподавание всемирной и отечественной истории в 7 классе в соответствии с требованиями Федеральной рабочей программы [5]. В дальнейшем будет проанализировано, каким образом в этом учебнике отражены элементы, связанные с исследованием английского пиратства в раннее Новое время.

В первой главе учебника: «Европа и мир: Великие географические открытия и их последствия» тема пиратства и каперства поднимается лишь трижды. Только в четвертом параграфе главы: «Последствия Великих географических открытий» впервые упоминается роль английских каперов в ослаблении Испанского могущества на море. А единственным конкретно названным капером является сэр Фрэнсис Дрейк [67, с. 37]. Его деятельность представлена в позитивном ключе, как сопутствующая усилению Англии и ослаблению Испании. Авторы упоминают совершенное им в 1577-1580 годах кругосветное плавание и отмечают его роль в пополнении Английской казны. Второй раз упоминание морского разбоя можно встретить в вопросах к концу четвертого параграфа, где авторы предлагают нам поразмышлять о причинах, по которым Елизавета I поддерживала пиратов [67, с. 39]. Третий раз тема

пиратства поднимается уже в конце главы в рубрике «Читаем, слушаем, смотрим», где ученикам предлагается прочитать фрагмент из романа Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада» [67, с. 55], однако предложение ознакомиться с художественным произведением не сопровождается аналитическим комментарием, включающим исторический контекст деятельности капитана Блада или заданием на осмысление феномена пиратства как части мировой истории.

В пятом параграфе учебника «Закат традиционного общества и рождение капитализма» пираты, каперы и морской разбой не упоминаются вовсе. В двенадцатом параграфе: «Англия: парламент и монархия», в котором рассматриваются основные события и особенности правления Тюдоров, включая Елизавету I, также не раскрывается роль пиратства и каперства в английской внешней политике того времени. Все это ограничивает представление учащихся о внешнеполитических и экономических факторах развития ведущих европейских держав в раннее Новое время.

Исходя из результатов анализа учебника по Всеобщей истории за 7 класс под редакцией В.Р. Мединского и А.О. Чубарьяна, можно сделать вывод, что роль пиратства и каперства в политических, культурных и социально-экономических процессах в раннее Новое время не отражена в современной учебной литературе, что делает необходимым разработку и использование дополнительного исторического материала, в том числе документально-исторического комплекса, для более полного понимания школьниками изучаемого периода.

3.2 Методические приемы и способы реализации темы

Анализ учебной литературы позволяет сделать вывод о том, что темы: «Великие географические открытия» и «Англия в XVI-XVII вв.», заявленные в Федеральной рабочей программе по предмету «История», действительно, подробно рассмотрены в школьном учебнике. Однако феномен пиратства и его роль в указанных событиях, включая борьбу за господство на море, колониальную экспансию и политическое противостояние Англии с католическими державами, лишь кратко упоминается, без какой-либо детализации. В данном параграфе предпринята попытка рассмотреть возможные методические приемы и формы работы, позволяющие использовать материалы, посвященные пиратству и каперству, для более глубокого, наглядного, осмысленного и увлекательного рассмотрения этих тем в рамках учебного процесса.

Одним из эффективных способов успешного усвоения исторического материала является обращение к биографиям конкретных исторических деятелей. Изучение биографии позволяет не только лучше понять причины и следствия их поступков, но и сформировать у школьников представления о личностных качествах, мотивах и жизненных обстоятельствах людей изучаемой исторической эпохи.

Такая работа способствует развитию аналитического мышления учащихся, эмпатии и способность оценивать исторические события с разных точек зрения. Например, при изучении темы, посвященной внешней политике Елизаветы I, будет целесообразно организовать работу в форме небольших докладов. Двое учеников могут заранее подготовить краткие сообщения о знаменитых каперах Фрэнсисе Дрейке и Уолтере Рэли. Это позволит наглядно продемонстрировать, каким образом деятельность этих личностей вписывалась в стратегические интересы английской Короны. Затем в ходе беседы школьники смогут сделать самостоятельные выводы о том, какую роль практика каперства играла в утверждении Английского морского могущества в эпоху правления династии Тюдоров.

Работа с текстом учебника по-прежнему остается одним из важнейших элементов методики преподавания истории, особенно при знакомстве с новыми темами. Анализ текста учебника формирует у учащихся навыки осмысленного чтения, критического мышления и грамотного изложения мыслей. Особый интерес представляет учебник под редакцией В.А. Ведюшкина, где в рамках параграфа, посвященного первым колониальным империям, рассматривается и «Золотой век морского разбоя» [65, с. 23-24]. Это единственный из проанализированных учебников, где пиратству как историческому феномену отведен отдельный пункт параграфа.

По завершении чтения автор предлагает провести беседу по следующему вопросу: «В чем состояла историческая роль карибского пиратства?» [65, с. 24], что одновременно позволяет закрепить прочитанный материал и привлечь школьников к размышлению о социально-экономических и политических аспектах морского разбоя. В рамках обсуждения можно предложить ученикам опереться как на материалы учебника, так и на дополнительную информацию. Этот прием позволяет не только актуализировать тему, часто остающуюся в тени, но и сформировать у школьников более системное представление о глобальных исторических изменениях раннего Нового времени.

Формированию у школьников устойчивых знаний и эффективному развитию аналитического мышления способствует технология проблемного обучения. Она предполагает постановку перед учащимися вопросов проблемного характера, требующих от них осмысления причинно-следственных связей, анализа источников и формулирования собственных выводов. Это позволяет как активизировать познавательную деятельность учеников, так и стимулировать их интерес к изучаемому материалу. Так, при работе с документом из учебника всеобщей истории за 7 класс под редакцией Данилова Д.Д., в котором рассматривается путь Англии к статусу великой европейской державы, будет уместно задать следующий проблемный вопрос: «Учитывая, что Англия в середине - конце XVI века все ещё не обладала

сильным регулярным флотом, можно ли считать политике Елизаветы I в отношении каперства успешной стратегией борьбы за влияние на море?» [66, с. 114-115]. Ответ на этот вопрос позволит учащимся осознать роль пиратства и каперства в укреплении международных позиций Англии и проанализировать нестандартные пути решения внешнеполитических задач в условиях ограниченности ресурсов.

Следующим действенным методологическим приемом преподавания истории, способствующим достижению личностных и метапредметных результатов, является театрализация. Этот прием позволяет школьникам творчески и эмоционально включиться в изучение исторического процесса, более наглядно понять мотивацию поступков людей конкретной исторической эпохи, а также осознать неоднозначность исторических событий. Но главным преимуществом театрализации является превращение усвоения сухих фактов в живое переживание и личностное осмысление истории. Для достижения наибольшего результата, подобные задания необходимо давать заранее, чтобы у учеников было время на наиболее качественную подготовку. В качестве удачного примера можно привести ещё одно задание из учебника Данилова Д.Д., размещенное в конце параграфа, посвященного колониальному разделу мира. Оно звучит следующим образом: «Представьте, что во время абордажного боя в Карибском море разыгрался шторм. Буря вынесла на необитаемый остров пушкаря испанского галеона и английского пирата. Строя вместе хижину и жаря рыбу, они спорят о том, кто прав в войне испанцев и англичан. Как, по-вашему, мог бы происходить этот спор, в котором каждый доказывает свою правоту фактами?» [66, с. 53]. Такое задание помогает оживить урок и взглянуть на международные конфликты XVI-XVII вв. с разных точек зрения, развивая критическое мышление и навык аргументации на основе исторического материала.

Развитие навыков работы с картой является неотъемлемой частью школьного исторического образования. Это способствует формированию пространственного мышления и позволяет ученикам лучше понять логику

исторических процессов, взаимосвязи между географическими условиями и политическими решениями. В рамках изучения морской экспансии XVI века без работы с картой невозможно представить масштабы географических открытий, причины и характер столкновений европейских держав и значение ключевых территорий Нового света. В учебнике всеобщей истории за 7 класс под редакцией В.А. Ведюшкина в конце параграфа, посвященного формированию первых колониальных явлений, предложено следующее задание: «Проследите по карте маршрут кругосветного путешествия Фрэнсиса Дрейка, и определите, совершил ли он какие-либо географические открытия в ходе своего плавания?» [65, с. 27]. Такое задание позволяет учащимся не только закрепить знания о ключевых личностях эпохи и лучше разобраться в логике колониального соперничества, но и самостоятельно выявить вклад каперов и пиратов в исследование мира.

Одним из приоритетов современного образования считается наличие в уроке межпредметных связей. Эта тенденция прослеживается в распространенности интегрированного подхода к обучению. Например, в ходе урока, посвященного Англии XVI-XVII вв., можно привлечь адаптированный отрывок из английского исторического источника: «Прокламации королевы Елизаветы I против пиратов и морских разбойников», опубликованной королевой в 1583 году [19]. В этом документе хорошо прослеживается двойственная позиция английской Короны, с одной стороны официально осуждавшей пиратство, а с другой оказывавшей скрытую поддержку каперам.

Задание звучит следующим образом: «Найдите в тексте прокламации фразы, подтверждающие, что Елизавета I с одной стороны осуждала пиратов, а с другой - фактически благоволила английским каперам. Как вы думаете, чем вызвана такая противоречивая позиция?». В результате школьники приобретают навыки анализа сложных исторических явлений и работы с историческим источником, расширяют словарный запас, а также развивают критическое мышление. Однако стоит отметить необходимость создания

вспомогательного глоссария для эффективной работы с источником на иностранном языке.

Изучение истории невозможно без создания у школьников эмоционального образа эпохи, чему способствует использование на уроках художественной литературы. В рамках изучения истории Англии в эпоху правления Тюдоров, можно привлечь следующий отрывок из произведения Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада»: «Был то век, когда по Карибскому морю и вдоль испанских берегов курсировали сотни пиратов, когда флаг со смертью на чёрном полотнище внушал страх флотам, превосходившим его в силе» [84, с.5]. После прочтения отрывка можно обсудить с учениками масштабы морского разбоя в XVI-XVII вв. Таким образом художественная литература является ещё одним эффективным средством межпредметной интеграции и формирования комплексного представления об эпохе.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что рассмотрение феномена английского пиратства и каперства в рамках школьного курса истории позволяет реализовать как предметные, так и метапредметные и личностные цели, заявленные в Федеральном государственном образовательном стандарте. Использование документальных источников, элементов технологий интегрированного и проблемного обучения, художественной литературы, а также элементов театрализации способствует формированию устойчивого познавательного интереса, критического мышления и умения работать с историческим материалом. Использование широкого круга методических приемов и материалов документально-исторического комплекса позволяют педагогам интегрировать материалы по теме английского пиратства в изучение широкого круга тем - от Великих географических открытий, до истории Англии XVI-XVII вв.

Заключение

В рамках проведенного исследования английское пиратство комплексно рассматривалось как сложное историко-культурное явление, оказавшее значительное влияние на процессы модернизации Англии в раннее Новое время. Вопреки распространенному мнению, что пираты представляли собой исключительно преступный элемент, глубокий анализ источников и историографии наглядно показал, что пиратство и каперство не только было неотъемлемой частью внешней политики Англии, но и выполняло целый ряд важных социальных, экономических и культурных функций.

Была прослежена эволюция морского разбоя от средневековых практик у английских берегов к санкционированной государством и официально оформленной каперской деятельности в Новом свете.

Материалы работы демонстрируют юридический и политико-экономический характер разграничения между правовыми формами морского разбоя в XVI-XVII вв. Так каперство являлось легальной и регулируемой короной формой разбоя, в то время как пиратство трактовалось как угроза и преступление, а сами пираты преследовались государством вне зависимости от их национальной принадлежности. Многие «джентльмены удачи» начинали как каперы, однако переходили на нелегальный статус в связи с изменениями политической конъюнктуры. Таким образом ключевым маркером легитимности служила не фактическая деятельность – разбой оставался разбоем – а включенность в систему государственных интересов. Эта подвижная граница отражает парадокс морской политики раннего Нового времени: Англия, де-юре осуждая пиратство, де-факто использовала его как инструмент колониальной экспансии.

Была рассмотрена крайне разнообразная социальная база английского пиратства, включающая в себя, как нищих подростков, вчерашних крестьян и безработных моряков, так и представителей крайне обеспеченных и аристократических слоев общества, в том числе и мелкого дворянства. Разбирая внутреннюю организацию пиратского сообщества, были отмечены

следующие характеристики: относительная демократичность, социальная мобильность, система справедливого распределения ресурсов и добычи, что позволяет говорить о пиратском социуме, как о некоей альтернативной форме объединения людей Раннего Нового времени.

Деятельность пиратов и каперов в раннее Новое время не существовали и не могли существовать в вакууме. Частота и дерзость частных предприятий на море полностью завесили от ситуации на суше. Пока промысел пиратских и каперских команд оставался выгоден Английской Короне, на их деятельность и даже на нарушения моряками законодательства правительство смотрело достаточно лояльно. Зачастую такая ситуация была характерна для периодов нахождения Англии в состоянии войны. Однако в мирное время, когда нормализовывалась торговля между ранее враждующими государствами пираты, разграбляя уже нейтральные суда, препятствовали выстраиванию потенциально выгодных торговых отношений, ввиду чего приносили больше убытков, чем практической пользы. Это подталкивало правительство к увеличению финансирования, выделенного на борьбу с морским разбоем и привлечению для этого большего числа людей.

Каперские экспедиции стали частью экономической и политической реальности того времени: они способствовали развитию внешней торговли, накоплению капитала, освоению новых морских маршрутов, формированию инфраструктуры портов и развитию системы международных договоров. В качестве ярких примеров такой интеграции выступает вклад в изучение течений и ветров Уильяма Дампира, совершенные им кругосветные путешествия, экспедиции Фрэнсиса Дрейка и Мартина Фробишера, внесшие весомый вклад в навигацию, картографию, развитие капиталистических отношений и задавшие основные тенденции в изучении Мирового океана на многие годы.

Кроме того, взаимодействие пиратов с английской Короной демонстрирует сложную динамику между государственным контролем и

частной инициативой, что стало одной из важнейших черт политической модернизации Англии.

Так одни на фоне патриотических чувств способствовали укреплению влияния английской короны на море, противостояли угрозам независимости королевства со стороны Испании и Франции, и расширяли её колониальные владения.

Другие в своем стремлении к быстрой наживе наносили урон британской экономике, промышляя, в том числе, и в английских прибрежных водах.

Третьи же выступали неким передовым отрядом свободной рабочей силы, формирующей капиталистические отношения в самой свободной экономической зоне того времени - на море.

Художественная литература сыграла решающую роль в трансформации английского пирата из реальной исторической личности в культурный архетип эпохи. В XVII-XVIII вв. произведения Эксквемелина и Джонсона, сочетая документальность с нарративной драматизацией, заложили основы литературного мифа. Их персонажи: от Моргана до Рэкхема сформировали устойчивые литературные типажи: жестокий предводитель, благородный капер, жертва обстоятельств, чья историческая достоверность уступала художественной выразительности.

В XIX-XX вв. романтическая традиция – Скотт, Стивенсон, Сабатини – сознательно дистанцировалась от исторических реалий, превратив пирата в символ свободы, экзистенциального конфликта и социального протеста. Капитан Кливленд, Джон Сильвер и Питер Блад стали проводниками идеалов своей эпохи, но в значительной мере отличались от своих реальных прототипов.

Современная проза осуществила деконструкцию мифа в двух направлениях: через исторический реализм и постмодернистскую иронию. Авторы вернули образу пирата социально-экономическую сложность, подчеркнув их связь с имперской колониальной политикой, насилием и

иллюзорностью свободы. Таким образом литературная эволюция пиратского образа отражает культурные запросы и идеологические установки каждой эпохи.

В завершении исследования был проведен анализ федерального государственного образовательного стандарта, федеральной рабочей программы и учебника Всеобщей истории за седьмой класс под редакцией Владимира Мединского. Также был подготовлен документально-историографический комплекс с заданиями интерактивного характера, что особенно актуально в условиях современных требований к школьному образованию.

Изучение пиратства как историко-культурного феномена позволяет лучше понять противоречия и сложности эпохи Раннего Нового времени, когда разрушение старого мира происходило параллельно с зарождением новых политических и экономических порядков.

Список использованных источников и литературы

ИСТОЧНИКИ:

1. Мор, Т. Утопия / Т, Мор: Перевод с латинского и комментарии Ю. М. Каган. - Москва: Наука, 1978. - 412 с.
2. Ньюгейтский справочник: мемуары самых известных преступников Англии XVIII века. Том 3. - Лондон: Томас Тегг, 1834. - 432 с.
3. Тордесильясский договор 1494 года // The Avalon Project. Документы по праву, истории и дипломатии. Йельская школа права. - URL: https://avalon.law.yale.edu/15th_century/mod001.asp (дата обращения: [22.03.2025]).
4. ФГОС основного общего образования (утвержден Приказом Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287) // Сайт Министерства просвещения Российской Федерации. - URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 22.02.2025).
5. Федеральная рабочая программа основного общего образования по предмету «История» в 5-9 классах [Электронный ресурс] // Сайт «Министерство просвещения Российской Федерации» (edsoo.ru). - URL: <https://fgosreestr.ru/poop/federalnaia-raboचाia-programma-istoriia-5-9-klassy> (дата обращения: 22.02.2025).
6. Actes, mémoires et autres pieces authentiques concernant la paix d'Utrecht, 1713. – 604 p.
7. Acts of the Privy Council of England, vol. 3: 1426-1429. - London: HMSO, 1891. - P. 112-113.
8. Acts of the Privy Council of England. New Series, Volume 7: A.D. 1564-1566. London: HMSO, 1893. – 480 p.
9. Admiralty Papers, 1671. UK National Archives, ADM 106/3103. British Library Manuscript Collections.
10. British Library. Add MS 12430 - Depositions and Court Proceedings relating to piracy trials in the Caribbean. Contains witness testimonies and official

charges against known pirates, 1717-1719. - London: British Library Manuscript Collection, 1719.

11. British National Archives. ADM 1/5269: Depositions on the Trial of Pirate Captain William Fly, 1726.

12. Calendar of Patent Rolls, Henry III, Vol. 1: 1216-1225. London: HMSO, 1901. P. 151-152.

13. Calendar of State Papers, Colonial Series, America and West Indies. Vol. 29: 1716-1717. - London: His Majesty's Stationery Office, 1930. - 564 p.

14. Calendar of State Papers, Colonial Series, America and West Indies. Vol. 30: 1717-1718. - London: His Majesty's Stationery Office, 1931. - 598 p.

15. Calendar of State Papers, Colonial Series, America and West Indies, 1720-1724. - London: Her Majesty's Stationery Office, 1932. - P. 237-238.

16. Calendar of State Papers, Colonial Series, America and West Indies. Vol. 32: 1720-1721. - London: Public Record Office, 1933. - p. 234.

17. Calendar of State Papers, Colonial Series, Volume 2: East Indies, China and Japan, 1513-1616. - London: Longman, 1864. - P. 316.

18. Calendar of State Papers, Colonial Series: America and West Indies, Volume 10 (1677-1680). - London: Her Majesty's Stationery Office, 1896. - P. 112-117.

19. Calendar of State Papers, Domestic Series, Elizabeth I, 1559-1603. - The National Archives (TNA), Kew: SP 12/228/65.

20. Calendar of State Papers, Domestic Series, James I, 1603-1610. London: Her Majesty's Stationery Office, 1857. - P. 188-190.

21. Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign of Charles I, 1645-1647. London: Her Majesty's Stationery Office, 1891. - P. 217.

22. Calendar of the Patent Rolls Preserved in the Public Record Office. 1232-1247. L., 1906.- 362 p.

23. Charles, J. A General History of the Robberies and Murders of the Most Notorious Pirates / J, Charles: Revised edition. - London: Lyons Press, 2010. - 366 p.

24. *Chronicon Angliae, A.D. 1328-1388.* Ed. E. Maunde Thompson. - London: Rolls Series, 1874. – 366p
25. *Civitas Londinum: a Survey of London by Ralph Agas, c. 1561.* Facsimile edition. London: London Topographical Society, 1905. – 6 p.
26. *Correspondance diplomatique de l’ambassade de France à Londres, 1558* // Archives des Affaires Étrangères de France, Série Angleterre. – 320 p.
27. *Dampier W. A New Voyage Round the World. / W. Dampier.* - Facsim. ed. - Mineola (N.Y.): Dover Publications, 2007. - Orig. ed.: London: James Knapton, 1697. - 512 p.
28. *Discourse of the Common Weal of this Realm of England / ed. Elizabeth Lamond.* - Cambridge: Cambridge University Press, 1893. - 121 p.
29. *Documents Relating to the Law and Custom of the Sea. L., 1915.* Tudor Royal Proclamations. Vol. 1. The Early Tudors (1485-1553). – 480 p.
30. *Domesday Book.* Ed. by John Morris. Chichester: Phillimore, 1975. – 4000 p.
31. *Exquemelin, A. The Buccaneers of America / A, Exquemelin.* - London: Folio Society, 1972. - 276 p.
32. *Governor Nicholas Lawes’s Dispatches to the Council of Trade and Plantations. Jamaica, 1720.* - National Archives (UK), CO 137/13.
33. *Hakluyt, R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. / R, Hakluyt.* - Vol. 2. - London: George Bishop, 1598. - 872 p.
34. *Journals of the House of Commons. Vol. 13 (1701).* - London: HMSO, 1803. - P. 214.
35. *Minutes of the Council of Jamaica, 1720-1721.* - Kingston: Jamaica Archives, 1885. - 412 p.
36. *National Archives (UK). Collection CO 5/860. Correspondence of the Council of Trade and Plantations relating to piracy and colonial administration, 1695.* Kew: The National Archives.

37. *Notitia Dignitatum*, ed. by William Fairley. - London: Spottiswoode & Co, 1899. – 180 p.
38. Proclamation against Pirates and Sea-Rovers by Queen Elizabeth I (1583) // *Tudor Royal Proclamations. Vol. II. The Later Tudors (1553-1603)* / Ed. by P.L. Hughes and J.F. Larkin. - Yale University Press, 1969. - P. 350-351.
39. Raleigh, W. *The Discovery of Guiana* / W, Raleigh. - London: Penguin Classics, 2006. — 176 p. - ISBN 978-0-140-43926-0.
40. Rogers W. *Governor's Dispatches to the Lords of Trade, 1719* // *Colonial Office Papers, CO 137/12*. UK National Archives.
41. Rogers W. *The Journal of Governor Woodes Rogers*. - London: Printed for Andrew Bell, 1729. - 296 p.
42. *Rotuli Litterarum Patentium in Turri Londinensi asservati*. London: Record Commission, 1835. – 480 p.
43. *Royal Proclamation against Pirates, 1603 (James I)*. - In: *Stuart Royal Proclamations. Volume 1: Royal Proclamations of King James I, 1603-1625* / ed. by James F. Larkin and Paul L. Hughes. - Oxford: Clarendon Press, 1973. - 495 p.
44. Smith J. *A Description of New England (1616)* // *The Complete Works of Captain John Smith (1580-1631)* / Ed. by Philip L. Barbour. - Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1986. - Vol. II. - P. 211.
45. *State Papers, Domestic, Mary I, 1557*. - The National Archives (TNA), Kew: SP 11/3/96.
46. *Statutes of the Realm, vol. 1*. - London: Record Commission, 1810. - P. 345-346.
47. *The Anglo-Saxon Chronicle*, ed. and trans. by Michael Swanton. - London: Phoenix Press, 2000. - 364 p.
48. *The Boston News-Letter, April-May 1717*. - Boston: John Campbell.
49. *The Close Rolls of the Reign of Henry III, Vol. 1*. London: HMSO, 1902. – 580 p.
50. *The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. Vol. 2*. - London: Edward Cave, 1732. - P. 94-96.

51. The London Gazette. Proclamation for Suppressing of Pirates in the West Indies. 8 January 1718. – 4 p.
52. The National Archives (UK). Admiralty Records. ADM 1/1879 - Letters from Governors and Naval Officers in the West Indies, 1718. - London, 1718. - Includes references to Benjamin Hornigold's acceptance of royal pardon and later missions against active pirates.
53. The National Archives (UK). Colonial Office Records. CO 23/3 - Correspondence relating to the Bahamas, 1718-1720. - London, 1720. - Reports and letters concerning the suppression of piracy and the activities of Woodes Rogers.
54. The Post Boy. Issue of June 5, 1701. - London: Printed for R. Baldwin, 1701. – 4 p.
55. The Statutes of the Realm. Volume III. - London: G. Eyre and A. Strahan, 1817. - 958 p.
56. The Tryal of Captain William Kidd for Murder and Piracy, upon Six Several Indictments, at the Admiralty-Sessions held at the Old-Bailey, on Thursday the 8th and Friday the 9th of May, 1701. London: Printed for J. Nutt, 1701. – 120 p.
57. The Tryals of Captain Jack Rackham and Other Pirates. - In: The Admiralty Sessions at St. Jago de la Vega, Jamaica, November 1720. - Public Record Office, CO 137/14. – 52 p.
58. The Weekly Journal, or British Gazetteer. Issue of June. – London: Printed for J. Roberts: 17 June 1725. – 8 p.
59. Todd, M. Roman Britain 55 BC - AD 400 / M, Todd. - London: Fontana Press, 1985. - 292 p.
60. Trial of the Pirates at Boston, 1717. In: The Admiralty Court Records of Massachusetts. - Massachusetts Archives Collection, Vol. 242. – 30 p.
61. Tudor Economic Documents, ed. by R.H. Tawney and E. Power: vol. 3. – London: Longmans, Green and C, 1924. – 1500 p.

ЛИТЕРАТУРА:

62. Армитидж Д. Идеологические истоки Британской империи / Д. Армитидж; пер. с англ. - Москва: Новое литературное обозрение, 2022. - 296 с. ISBN 978-5-4448-1727-7.

63. Архенгольц, И.В. История морских разбойников Средиземного моря и Океана / И.В. Архенгольц. - Москва: Вече, 2017. - 428 с. - ISBN 978-5-4444-5707-8.

64. Валлерстайн, И. Современная мир-система. Т. 1: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейской мировой экономики в шестнадцатом веке / И. Валлерстайн; пер. с англ. - Москва: УРСС, 2001. - 416 с. ISBN 5-8360-0241-1.

65. Всеобщая история. История Нового времени. 7 класс: учебник / под ред. В.А, Ведюшкина, С.Н, Бурина. - Москва: Дрофа, 2014. - 276 с. - ISBN 978-5-358-13182-3

66. Всеобщая история. История Нового времени. 7 класс: учебник для общеобразовательных организаций / Д.Д, Данилов, Е.В, Сизова; под ред. Д.Д, Данилова. - 2-е изд. - Москва: Баласс, 2015. - 304 с. - ISBN 978-5-85939-702-5.

67. Всеобщая история. История Нового времени. Конце XV - XVII века: 7 класс: учебник / А. Ю, Морозов, Э. Н, Абдулаев, С. В, Тырин, К. П, Чиликин; под ред. В. Р, Мединского, А. О, Чубарьяна. — Москва: Просвещение, 2023. — 303 с.: ил., карты. — ISBN 978-5-09-089543-2.

68. Вулф, Д. Пирап: роман / Д. Вулф; пер. с англ. - Москва: Эксмо, 2007. - 320 с. ISBN 978-5-699-24338-6.

69. Гай, Дж. Англия Тюдоров. Полная история эпохи от Генриха VII до Елизаветы I / Дж. Гай. - 1-е изд. - Москва: Азбука-Аттикус, 2023. - 883 с. ISBN 978-5-389-21333-2.

70. Данилов, Д.Д. Всеобщая история. История Нового времени. 7 класс: учебник для общеобразовательных организаций / Д.Д, Данилов, Е.В. Сизова. — Москва: Баласс, 2015. — 304 с. ISBN 978-5-85939-923-1.

71. Кареев, Н.И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Переход от Средних веков к Новому

времени / Н.И, Кареев. - Москва: Академический проспект, 2016. 383 с. ISBN 978-5-8291-1815-9.

72. Колониальная экспансия европейских держав и феномен морского разбоя в XVI - первой трети XVIII вв. // Национальная электронная библиотека URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005547204/ (дата обращения: 04.08.2024).

73. Констам, А. Пираты. История каперов, флибустьеров и корсаров / А, Констам. - Москва: КоЛибри, 2021. - 368 с. - ISBN 978-5-389-16644-8

74. Констам, А. Чёрная Борода: самый знаменитый пират Америки / А. Констам. - Москва: Эксмо, 2009. - С. 75-102. ISBN 978-5-699-33389-0.

75. Копелев, Д.Н. Золотая эпоха морского разбоя / Д.Н. Копелев. - Москва: Остожье, 1997. - 496 с. - ISBN 5-86095-084-5.

76. Копелев, Д.Н. Раздел Океана в XVI - XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства / Д.Н, Копелев. - Санкт-Петербург: Крига, 2013. - 736 с. ISBN 978-5-901805-46-1.

77. Крайтон, М. Пиратские широты: роман / М, Крайтон; пер. с англ. - Москва: Эксмо, 2010. - 352 с. ISBN 978-5-699-45325-1.

78. Лангбаум, Р. Образ современного героя: исследование литературной традиции романтизма и викторианской эпохи / Р, Лангбаум: пер. с англ. - Москва: Прогресс, 1971. - 328 с.

79. Лер, П. История пиратства. От викингов до наших дней / П. Лер. - 1-е изд. - Москва: Альпина нон-фикшн, 2023. - 386 с. ISBN 978-5-00139-743-9.

80. Маховский, Я. История морского пиратства / Я. Маховский. - Москва: Наука, 1972. - 400 с.

81. Можейко, И.В. Пираты, корсары, рейдеры / И. В. Можейко. - 2 изд. - Москва: Вече, 2007. - 384 с. ISBN 978-5-9533-1770-7

82. Пастушенко, А. А. Роль религиозных и экономических мотивов в морской войне английских каперов и пиратов с Испанией (1540-1604 гг.) / А. А. Пастушенко // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. - 2019. - № 6. - С. 343-352. - EDN RXQPLC.

83. Рогожинский, Ж. Энциклопедия пиратства / Ж. Рогожинский. - Москва: Наука, 1998. - 686 с. ISBN 5-02-018036-5.
84. Сабатини, Р. Одиссея капитана Блада: роман / Р, Саббатини: пер. с англ. Л. Василевский. - Санкт-Петербург: Азбука, 2022. - 416 с. ISBN 978-5-389-21570-1. ISBN 978-5-389-21570-1.
85. Скотт, В. Пират: роман / В, Скотт: пер. с англ. Н. Емельяникова. - Москва: Азбука, 2018. - 384 с. ISBN 978-5-389-14373-5.
86. Смирнов, И. Н. Колониальная стратегия Англии в период нового времени / И. Н. Смирнов, И. Б. Шишкин, Т. А. Хитрикова // European research: Сборник статей XXVII Международной научно-практической конференции. - Пенза: Наука и Просвещение, 2020. - С. 81-85. ISBN 978-5-00159-262-5.
87. Стивенсон, Р. Л. Остров сокровищ: роман / Р. Л, Стивенсон \: пер. с англ. Н. Чуковский. - Москва: Эксмо, 2020. - 320 с. ISBN 978-5-04-112332-6.
88. Тарле, Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств / Е.В, Тарле. - Москва: Издательство Академии наук СССР, 1965. - 418 с.
89. Харт, Г. Морской путь в Индию / Г. Харт: пер. с англ. Н.В. Банников. - 1-е изд. - Москва: Издательство иностранной литературы, 1954. - 421 с.
90. Штокмар, В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета / В. В, Штокмар. - Ленинград: Издательство ЛГУ, 1962. - 155 с.
91. Яброва, М.М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления / М.М. Яброва. - Саратов: Издательство Саратовского университета, 1966. - 133 с.
92. Andrews, K. R. Elizabethan Privateering. English Privateering during the Spanish War 1585-1603 / K. R. Andrews. - Cambridge University Press, 1964. P. 33-34. ISBN 978-0521040327.
93. Baer, J. Pirates of the British Isles / J, Baer. - London: Tempus, 2005. - 192 p. ISBN 0-7524-2304-0.

94. Barbour, V. Privateers and Pirates of the West Indies / V. Barbour. - The American Historical Review. April 1911. -Vol. 16. - №3. - p. 529-566.
95. Carpenter, C. The Wars of the Roses: Politics and the Constitution in England, c. 1437-1509. / C, Carpenter. - Cambridge: Cambridge University Press, 1997. - 368 p. ISBN 0-521-31874-2.
96. Codrescu, A. The Disappearance of the Outside: A Manifesto for Escape. / A, Codrescu. - Reading, Massachusetts: Addison-Wesley, 1990. - 240 p. ISBN 0-201-52370-3.
97. Colley, L. Britons: Forging the Nation 1707-1837 / L, Colley. - New Haven; London: Yale University Press, 1992. - 448 p. ISBN 0-300-05737-7.
98. Constantine, S. The Pirate, the Governor and the Secretary of State: Aliens, Police and Surveillance in Early Nineteenth-Century Gibraltar / S, Constantine. - The English Historical Review. Vol. 123. № 504. Oxford University Press, 2008. - p. 1166-1192.
99. Cordingly, D. Under the Black Flag: The Romance and the Reality of Life Among the Pirates / D, Cordingly. - New York: Random House, 1996. - 432 p. ISBN 0-679-42560-8.
100. Martens, G. F. von. An Essay on Privateers, Captures, and Particularly on Recaptures, according to the Laws, Treaties, and Usages of the Maritime Powers of Europe / G. F. von Martens. - Clark, NJ: The Lawbook Exchange, 2004. - 240 p. ISBN 1-58477-401-0.
101. Hill, C. Radical pirates / C, Hill. - The collected essays of Christopher Hill. Volume 3: People and ideas in 17th century England. - Brighton: The Harvester Press, 1986. - p161-187. ISBN 0-7108-0556-3.
102. Holdsworth, W.S. A History of English Law. / W.S, Holdsworth. Volume IV. - London: Methuen and Co, 1924. - 612 p.
103. Kestner, J. The Adventure Hero and the Empire: British Fiction, 1880 - 1915 / J, Kestner. - New York: St. Martin's Press, 1989. - 305 p. ISBN 0-312-02310-7.

104. Krasner, S. D. *Organized Hypocrisy: Sovereignty and International Relations* / S.D, Krasner. - Princeton University Press, 1999. - 272 p. ISBN 0-691-02934-8.
105. Edwards, P. *Last Voyages* / P, Edwards - Oxford: Clarendon Press, 1988. 278 p. ISBN 0-19-812894-1.
106. Loades, D. *The Tudor Navy: An Administrative, Political and Military History* / D, Loades. - Aldershot: Scolar Press, 1992. - 344 p. ISBN 0-85967-922-5.
107. Loades, D. *The Tudor Court* / D, Loades. - 4th ed. - Bangor: Headstart History, 2003. - 212 p. ISBN 1-873041-38-8.
108. *Oxford Dictionary* / Ed. By Angus Stevenson. - Oxford: Oxford University Press, 2010. - 2112 p. ISBN 978-0-19-957112-3.
109. Pearson, M. *The Pirate's Destiny* / M, Pearson. - London: Corsair Publishing, 2015. - 352 p. ISBN 978-1-4721-1808-4.
110. Rediker, M. *Villains of All Nations: Atlantic Pirates in the Golden Age* / M, Rediker. - Boston: Beacon Press, 2004. - 248p. ISBN 0-8070-5024-5.
111. Rose, S. *England's Medieval Navy, 1066-1509: Ships, Men and Warfare* S, Rose. - Barnsley: Seaforth Publishing, 2013. - 256 p. ISBN 978-1-84832-137-3.
112. Wood, A. *The Seaborne Empire: British Maritime Expansion and the Making of the Modern World* / A, Wood. - London: Penguin Books, 2012. - 417 p. ISBN 978-0-14-103813-2.

Приложение №1

Технологическая карта урока

Тема: «Последствия великих географических открытий. Первые колониальные империи»

Цель занятия: сформировать у учащихся понимание ключевых последствий ВГО

Планируемые результаты:

Предметные результаты:

1. Знать основные последствия ВГО
2. Понимать причины и механизмы формирования первых колониальных империй
3. Развитие умения выявлять причинно-следственные связи между историческими фактами
4. Умение изучать и систематизировать информацию из различных источников
5. Выработка умения определять и объяснять понятия: колония, метрополия, революция цен, капер
6. Выработка умений сравнивать исторические явления и процессы, решать проблемные задачи, давать оценку историческим событиям и процессам

Метапредметные результаты:

Регулятивные УУД:

1. Формирование умения определять цели своей деятельности и представлять ее результаты; выбирать и использовать нужные средства для учебной деятельности
2. Определять необходимые действия в соответствии с учебной и познавательной задачей и составлять алгоритм их выполнения

3. Соотносить реальные и планируемые результаты образовательной деятельности и делать выводы

Коммуникативные УУД:

1. Участвовать в коллективном обсуждении
2. Развитие навыков аргументации своей точки зрения

Познавательные УУД:

1. Способность решать творческие задачи, представлять результаты своей деятельности в различных формах
2. Определять обстоятельства, которые предшествовали возникновению связи между явлениями, из этих обстоятельств выделять определяющие, способные быть причиной данного явления, выявлять причины и следствия этих явлений
3. Ориентироваться в содержании информации, понимать целостный ее смысл

Личностные результаты:

1. Формирование представления о противоречивости исторических процессов
2. Осознание роли личности в истории
3. Понимание этической стороны колониальной эксплуатации и морского разбоя

Тип учебного занятия: урок изучение нового материала

Оборудование и средства обучения: Школьный учебник, историческая карта, проектор и интерактивная доска, презентация

Формы организации познавательной деятельности: индивидуальная, групповая, фронтальная

Основные понятия урока: колония, метрополия, революция цен, капер

Межкурсовые связи: знания произведений художественной литературы, географии

Внутрикурсовые связи: Великие географические открытия

Литература для подготовки к уроку:

Всеобщая история. История Нового времени. Конце XV - XVII века: 7 класс: учебник / А. Ю. Морозов, Э. Н. Абдулаев, С. В. Тырин, К. П. Чиликин; под ред. В. Р. Мединского, А. О. Чубарьяна. — Москва: Просвещение, 2023. — 303 с.: ил., карты. — ISBN 978-5-09-089543-2.

ХОД УРОКА

Этапы урока	Методы и методические приемы	Действия учителя	Формирующиеся УУД	Действия учеников
Организационный момент	Беседа	Приветствие, проверка готовности, настрой на работу. Оглашение темы и плана урока	<ul style="list-style-type: none"> - Формирование умения определять цели своей деятельности и представлять ее результаты; выбирать и использовать нужные средства для учебной деятельности - Определять необходимые действия в соответствии с учебной и познавательной задачей и составлять алгоритм их выполнения 	<ul style="list-style-type: none"> - Готовятся к уроку - Слушают.
Актуализация знаний	Беседа	Задает вопросы: <ul style="list-style-type: none"> - Что такое Великие географические открытия? - Каковы были их главные причины? - Назовите ключевых мореплавателей и их открытия (Колумб, да Гама, Магеллан). - Что такое «колония»? 	Участвовать в коллективном обсуждении	<ul style="list-style-type: none"> - Отвечают на вопросы - Вспоминают пройденный материал.

Мотивация	Беседа	Обсуждает с учениками возможный проблемный вопрос: «Какие последствия, помимо открытия новых земель принесли миру экспедиции Колумба, Магеллана и других? Были ли эти последствия только положительными?»	Формирование представления о противоречивости исторических процессов	<ul style="list-style-type: none"> - Слушают - Осмыслиют вопрос - Формулируют предположения
Домашнее задание		Задаёт и объясняет домашнее задание: читать §4, ответить на вопросы в конце параграфа. Дополнительно: подготовить небольшое сообщение об Уолтере Рэли и его вкладе в исследование Нового света		<ul style="list-style-type: none"> - Записывают задание - Уточняют задание при необходимости.
Изучение нового материала	Беседа Работа с учебником	<ul style="list-style-type: none"> - Предлагает ученикам обсудить термин «революция цен» -: резкое повышение цен в Европе в XVI веке - Предлагает ученикам обратиться к странице 34 учебника, чтобы выяснить причины революции цен 	<ul style="list-style-type: none"> - Определять обстоятельства, которые предшествовали возникновению связи между явлениями, из этих обстоятельств выделять определяющие, способные быть причиной данного явления, выявлять причины и следствия этих явлений 	<ul style="list-style-type: none"> - Отвечают на вопросы - Находят ответы в учебнике - Записывают

		<ul style="list-style-type: none"> - Задает вопрос: «Кто выиграл, а кто проиграл от революции цен?» - Совместно с учениками делает вывод 	<ul style="list-style-type: none"> - Ориентироваться в содержании информации, понимать целостный ее смысл 	
	<p>Проблемное изложение Беседа</p>	<p>Объясняет термины «колония» и «метрополия»</p> <ul style="list-style-type: none"> - Называет первые колониальные империи: Испания и Португалия. - Кратко описывает систему управления колониями и методы эксплуатации коренного населения. - Обсуждает с учениками причины массовой гибели индейского населения: жестокость, непосильный труд, завезенные европейцами болезни. - Подчеркивает рост европейской миграции в колонии 	<ul style="list-style-type: none"> - Понимание этической стороны колониальной эксплуатации и морского разбоя 	<ul style="list-style-type: none"> - Слушают - Записывают
	<p>Беседа</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Объясняет суть взаимного культурного обмена: Из Европы в Америку: лошади, коровы, свиньи, пшеница, 	<p>Определять обстоятельства, которые предшествовали возникновению связи между явлениями, из этих</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Отвечают на вопросы - Записывают

		<p>виноград, сахарный тростник, болезни. Из Америки в Европу и далее в Азию/Африку: кукуруза, картофель, томаты, фасоль, какао, табак.</p> <p>- Обсуждает с учениками последствия культурного обмена:</p> <p>Положительные: обогащение рациона питания во всем мире (картофель, кукуруза).</p> <p>Отрицательные: распространение болезней, экологические изменения.</p>	<p>обстоятельств выделять определяющие, способные быть причиной данного явления, выявлять причины и следствия этих явлений</p> <p>Ориентироваться в содержании информации, понимать целостный ее смысл</p>	
	<p>Работа с картой</p> <p>Эвристическая беседа</p>	<p>- Кратко представляет Фрэнсиса Дрейка как самого знаменитого английского капера</p> <p>- Используя карту на стр. 39 учебника (или карту на экране), предлагает проследить маршрут кругосветного плавания Фрэнсиса Дрейка (1577-1580 годов.).</p>	<p>- Определять обстоятельства, которые предшествовали возникновению связи между явлениями, из этих обстоятельств выделять определяющие, способные быть причиной данного явления, выявлять причины и следствия этих явлений</p> <p>- Осознание роли личности в истории</p>	<p>- Работают с картой</p> <p>- Работают с отрывком из художественной литературы</p> <p>- Отвечают на вопросы</p>

		<ul style="list-style-type: none"> - Задает вопрос: «Какие географические открытия были им сделаны?» - Подчеркивает значение экспедиции Дрейка: грабеж испанских судов и колоний ослабил Испанию и обогатил Англию, Дрейк стал национальным героем, королева Елизавета I посвятила его в рыцари на палубе его корабля. - Четко разграничивает понятия капер и пират - Предлагает ученикам прочитать отрывок из романа Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада» и ответить на следующие вопросы: - Насколько серьезной можно было считать пиратскую угрозу в раннее Новое время? - Почему именно Карибское море и испанские берега стали главной ареной пиратства? 	<ul style="list-style-type: none"> - Ориентироваться в содержании информации, понимать целостный ее смысл - Способность решать творческие задачи, представлять результаты своей деятельности в различных формах 	
--	--	--	---	--

		<ul style="list-style-type: none"> - Можно ли считать пиратство XVI-XVII вв. прямым следствием ВГО и колониализма? - Совместно с учениками делает вывод: Пиратство XVI-XVII вв. было прямым следствием и неотъемлемой частью борьбы европейских держав за колонии и богатства Нового Света. 		
Первичное закрепление	Беседа	<p>Задает вопросы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Перечислите главные последствия ВГО. - Как формировались первые колониальные империи? - Почему пиратство так распространилось именно в это время? 	<ul style="list-style-type: none"> - Развитие навыков аргументации своей точки зрения - Ориентироваться в содержании информации, понимать ее целостный смысл 	<ul style="list-style-type: none"> - Отвечают на вопросы - Обобщают материал урока.
Рефлексия	Беседа	<p>Задает вопросы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Что нового и важного вы узнали сегодня? - Какое последствие ВГО кажется вам самым значимым? Почему? - Как вы оцениваете деятельность таких людей, 	<p>Соотносить реальные и планируемые результаты образовательной деятельности и делать выводы</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Отвечают на вопросы - Оценивают свои знания и степень понимание темы.

		как Фрэнсис Дрейк? (Герой? Пират? И то, и другое?) - Достигли ли мы цели сегодняшнего урока?		
--	--	---	--	--

Приложение №2

Документально исторический комплекс

АВТОР И НАЗВАНИЕ ДОКУМЕНТА	ТЕКСТ ДОКУМЕНТА	ЗАДАНИЕ К ДОКУМЕНТУ
Рафаэль Сабатини, «Одиссея капитана Блада»	Был то век, когда по Карибскому морю и вдоль испанских берегов курсировали сотни пиратов, когда флаг со смертью на чёрном полотнище внушал страх флотам, превосходившим его в силе	Какой вывод о масштабах пиратской угрозы можно сделать после прочтения данного отрывка?
Рафаэль Сабатини, «Одиссея капитана Блада»	Блад был не из тех, кто грабит друзей. Он установил железное правило: не трогать суда Англии и ее союзников. Его люди подчинялись железной дисциплине. За мародерство, пьянство или игру в карты на борту полагалась порка. Он делил добычу по установленному обычаю: две доли капитану, полторы - его помощникам, доля - каждому матросу.	Какие "правила" установил капитан Блад на своем корабле? Как эти правила могли способствовать успеху и выживанию пиратского экипажа?
Чарльз Джонсон, «Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учинённых самыми знаменитыми пиратами»	Робертс был человеком незаурядного ума и отваги. Он установил на своем корабле строгий свод правил, который все обязаны были соблюдать под страхом наказания. Вот некоторые из них: Запрещены азартные игры на деньги. Свет после 8 часов вечера гасить. Каждый должен содержать оружие в чистоте. Две доли добычи капитану, полторы - квартирмейстеру, боцману и пушкарю, одна доля - матросу	Прочитайте отрывок из «Всеобщая история грабежей и смертоубийств» и выясните, соответствуют ли эти правила реальным пиратским кодексам раннего Нового времени?

<p>Р. Л. Стивенсон, «Остров сокровищ»</p>	<p>- Черная метка! - сказал он наконец. - Мы знаем, что это такое. Послушай-ка, Билл, что это за бумажка? Гляди-ка, вот черная точка! Видишь? Говорит тебе честный человек: ты погубил нас всех. Теперь, Билл, что ты скажешь? - Завтра в полдень срок! - сказал он. — Вот что значит черная метка. Прилив отойдет - и с тобой покончено."</p>	<p>Что такое «черная метка» в представлении пиратов Стивенсона? Что этот отрывок может говорить о регламентации отношений на пиратских судах?</p>
<p>Вальтер Скотт, «Пират»</p>	<p>«Главный пират стоял на носу своего судна. Это был человек высокого роста, в одежде, которая, несмотря на богатство и пышность, носила следы частого употребления и небрежения. В глазах его светилась отвага, соединенная, однако, с выражением жестокости и мрачной решимости. Он был вооружен саблей и парой пистолетов»</p>	<p>Опишите внешность и характер капитана-пиратов по Скотту. Какие черты образа и характера пирата подчеркивает автор? Как вы думаете, насколько этот образ соответствует реальности?</p>
<p>А. О. Эксквемелин, «Пираты Америки»</p>	<p>Морган приказал собрать всех пленников в одно место. Затем он велел принести стол, перо и чернила и потребовал, чтобы каждый написал, сколько может дать выкупа за свою жизнь. Тех, кто отказывался или не мог заплатить, безжалостно пытали. Одному священнику привязали к пальцам фитили, пропитанные маслом, и подожгли их</p>	<p>Какие вывод о методах получения выгоды пиратами можно сделать после прочтения данного отрывка?</p>
<p>Уильям Дампир, Личный дневник 1680-ые годы</p>	<p>Ветер крепчал, волны перекатывались через палубу. Матросы роптали, некоторые уже жалели, что покинули честную службу. Капитан наш, человек суровый, приказал выдать двойную порцию рома,</p>	<p>Какие трудности и опасности пиратской жизни описывает Дампир?</p>

	дабы подбодрить команду. Страх перед бурей смешивался со страхом перед его гневом	Как капитан пытается поддерживать порядок и боевой дух команды? Чем, судя по отрывку, жизнь пирата отличалась от романтических представлений?
Король Георг I, «Прокламация 5 сентября 1717 г.»	Король Георг I провозглашает: всем пиратам, сдавшимся и обещавшим встать на путь закона до 5 сентября 1718 года, будет даровано помилование по всем их прежним морским разбоям, совершённым до 5 января того же года.	Какие условия выдвигает король пиратам для помилования? Почему, на ваш взгляд, было объявлено такое предложение?
Королева Елизавета I, «Прокламация против пиратов и морских разбойников 1583 г.»	Принимая во внимание, что некоторые из наших подданных, под предлогом путешествий с целью торговли и открытий, совершили многочисленные злодеяния на морях, а также против народов различных иностранных принцев и государств, а иногда даже против наших собственных подданных и союзников, без поручения или разрешения. Однако, поскольку подобные попытки часто приводили к ослаблению мощи наших врагов и развитию нашего королевства, мы повелеваем, чтобы никто не подвергался беспокойству, если он приведет свои призы в наши порты и отчитается перед нашим адмиралтейством.	Найдите в тексте прокламаций фразы, подтверждающие, что Елизавета I с одной стороны осуждала пиратов, а с другой - фактически благоволила английским каперам. Как вы думаете, чем вызвана такая противоречивая позиция?
Прокламация королевы Елизаветы I 1588 г.	Всем нашим верным подданным... Мы предупреждаем, что всякий, кто будет уличён в сношениях с пиратами, их укрывательстве, покупке у	

	<p>них нагрabленных товаров или оказании им какой-либо помощи, будет считаться соучастником их преступлений и понесёт суровое наказание по всей строгости законов нашего королевства</p>	
<p>Протокол суда над пиратами, речь пирата Эдварда Джордана на суде 1609 год</p>	<p>Ответчик, на вопрос: «признает ли он себя виновным в убийстве капитана судна «Золотая Лань» и захвате оногo», ответил: «Признаю, что был на том судне, и капитан был убит в схватке, но не мною. Мы лишь хотели взять то, что нам причиталось за нашу службу, а он отказал нам в справедливой плате.»</p>	<p>Как пират Эдвард Джордан пытается оправдать свои действия? Что его оправдание говорит о возможных причинах, толкавших моряков на пиратство?</p>
<p>Уильям Дампир, «Новое путешествие вокруг света»</p>	<p>На острове Хуан-Фернандес мы нашли множество диких коз и капустных пальм, коих сердцевина весьма хороша в пищу. Я тщательно зарисовал и описал множество неведомых птиц и рыб. Хотя плавание наше было небезопасным, я счел долгом натуралиста запечатлеть сии диковинные творения</p>	<p>Какие занятия, помимо пиратства, описывает Уильям Дампир? Противоречит ли его деятельность стереотипному образу пирата? Какой вывод о вкладе каперов в развитие науки раннего Нового времени можно сделать с опорой на данный отрывок?</p>